

В. Г. ЛАЗАРЕНКО
V. G. LAZARENKO

**ГЕНЕЗИС И ОСОБЕННОСТИ КУЛЬТА АХИЛЛА
В ЗАПАДНОМ КРЫМУ
GENESIS AND FEATURES OF THE CULT OF ACHILLES
IN THE WESTERN CRIMEA**

В одной из наших прежних работ было высказано предположение о возможности того, что в конце V в. до н. э., когда прекратило существование известное святилище Ахилла на мысу Бейкуш в Нижнем Побужье, или немного позже его адепты обосновались в Крыму [Лазаренко, 2019, с. 29]. Приведенные тогда сведения о культе Ахилла в данном регионе и его вероятной местной основе [Лазаренко, 2019, с. 29–47] хотя и дали картину этого феномена в общих чертах, но представляются все еще недостаточными. Задача настоящего исследования – показать детально, насколько это возможно сегодня, все стороны генезиса и особенностей культа Ахилла в Западном Крыму¹.

Прежде всего, установим, какие события предшествовали появлению здесь культа Ахилла. Поскольку в Северном Причерноморье он тесно связан со змеями, что продемонстрировали как раз находки на Бейкушском святилище [Русяева, 1971; Буйских, 2002], следует подчеркнуть, что культ змей непрерывно существовал в Северном Причерноморье в IV–I тысячелетиях до н. э., попав туда из Балкано-Дунайского региона, то есть с территории прафракийских племен. Затем он распространился в ходе ранних индоевропейских² миграций (т. е. миграций носителей арийской гаплогруппы R1a) от Дунайско-Карпатского региона на восток и на юг, что послужило основой формирования здесь ранних индоевропейских представлений об Áhi-Змее (Верховном божестве и Первопредке) – возможном прообразе Ахилла [Лазаренко, 2015; 2016; 2018]. Но арии ушли из Северного Причерноморья на рубеже III–II тысячелетий до н. э. не полностью, некоторая их часть осталась на месте. О. Н. Трубачев убедительно показал, что под «Старой Скифией» Геродота (IV, 5) следует понимать местности, заселённые «старыми ариями», т. е. ариями (индоариями),

¹ Мы включили в настоящую работу и археологические памятники Центрального и Южного Крыма (степного, предгорного и горного) из местностей, которые связаны реками с Западным Крымом и находятся не восточнее Симферопольского района.

² Напомним, что сам термин «индоевропейский» является лингвистическим. Индоевропейские языки на Русской равнине, в Иране и в Индии в древности ассоциируются только с носителями арийской гаплогруппы R1a [Клёсов, 2010]. Поэтому важно выделить понятие «ранние индоевропейцы» (и, соответственно, «ранние индоевропейские миграции»), когда речь идет о миграциях IV–II тысячелетий до н. э., в т. ч. – об индоариях.

оставшимися здесь после ухода их основной массы в процессе ранних миграций. Они образовали в Северном Причерноморье достаточно обширный реликтовый анклав (дандарии, тавры, ахейцы, синды, меоты), сохранившийся и в историческое время – от современной Одессы до Краснодарского края, а также в Крыму. Название ἡρχαία Σκυθία «старая Скифия» у Геродота относится к морскому побережью от Одесского до Каркинитского заливов [Трубачев, 1999, с. 99–102]. Данные племена реликтовых ариев и составили основу «варварского» населения Северного Причерноморья, в том числе – современного греческим колонистам. К ним относятся, как видно, и тавры.

Этнической общности тавров, обитавших в горных и предгорных районах Крыма, соответствовала, по мнению большинства исследователей, кизил-кобинская археологическая культура, которая возникла примерно в начале I тысячелетия до н. э., а погибла во II в. до н. э. [Колотухин, 1996, с. 60, 88]. Однако следует учитывать, что название «тавры» как этноним появляется лишь в V в. до н. э. С этого времени таврами греки, безусловно, называли местное население предгорьев и гор Крыма, которое и оставило кизил-кобинскую культуру. Но ее формирование относится к гораздо более раннему времени. Этот процесс был достаточно сложным и в Западном Крыму состоял, как считает Э. А. Кравченко, из нескольких периодов: старший дотаврский (вторая половина XI – середина IX в. до н. э.), младший дотаврский (вторая половина IX – середина VIII в. до н. э.), таврский (вторая половина VIII в. до н. э. – середина IV в. до н. э.), который подразделяется на две фазы – раннюю (вторая половина VIII – середина VI в. до н. э. и позднюю (середина VI – середина IV в. до н. э.), синхронную появлению греческих центров в Крыму [Кравченко, 2010, с. 108]. Из обобщения исследовательницей имеющихся данных следует, что появление в Западном Крыму поселений в самом начале старшего дотаврского периода характеризуется, как свидетельствует традиционная керамическая посуда, наличием здесь субстратного населения белозерской культуры, а некоторые типы посуды демонстрируют традиции, свойственные культурам канеллированного гальштата, то есть фракийцам. В начале X в. до н. э. усиливается влияние белозерской культуры (появляется несколько присущих ей типов керамики), а в середине X в. до н. э. вновь проявляется влияние гальштатских культур. При этом Э. А. Кравченко констатирует: «Ясное дело, что появление керамики фракийского типа не могло проходить без присутствия ее этнических носителей... Кизил-кобинская культура при белозерском субстрате старшего дотаврского периода входит в ареал культур неклассического гальштата, и является самым восточным их проявлением. Эта тенденция сохраняется и в последующем периоде» [Кравченко, 2010, с. 92–93], то есть в младшем дотаврском периоде (вторая половина IX – середина VIII в. до н. э.). Установлено, что фракийское население культуры гальштата Средней (Центральной) Европы представляет собой ветвь индоевропейских племен [Златковская, 1971, с. 28; Техов, 1996], западную по отношению к Крыму. Кизил-кобинская культура предстала как проявление прямых контактов и, вероятно, инфильтрации населения Подунавья на территорию Западного Крыма во второй половине XI в. до н. э. С этого времени и до середины IX в. до н. э. прояв-

ляются связи пришлого населения с племенами белозерской культуры, поселения которых, вероятно, уже к тому времени существовали в Крыму [Кравченко, 2010, с. 105]. Но именно белозерское население, как показывают разработки крымских археологов, явилось основой для формирования кизил-кобинской культуры. При этом в белозерское время на территории Крыма продолжается развитие сабастиновских традиций, что и подтверждают материалы поселений. Поселения белозерского времени располагались вблизи балок с выходами воды, на склонах долин. Их площадь, судя по имеющимся данным, была незначительной в сравнении с предыдущими. На ряде памятников слои белозерского времени перекрывали более ранние сабастиновские [Тошев, 2007, с. 196–197, 206].

В. А. Колотухин подчеркивает: «Сабастиновский горизонт памятников являет собой качественно новое образование, сложившееся в результате взаимодействия местного, преимущественно позднекатакомбного, и пришлого, срубного этнических компонентов, то выделение их в самостоятельную сабастиновскую культуру представляется обоснованным и закономерным. Возникновение долговременных неукрепленных поселений, которые продолжали функционировать в белозерское время, свидетельствует о переходе местного населения к прочной оседлости и наступлении длительного периода стабилизации. Белозерский материальный комплекс складывался в рамках и на основании сабастиновских традиций, и переход к финальному этапу позднебронзового века носил эволюционный характер. После периода миграций срубных племен³ восточные влияния не прослеживаются и культурные контакты осуществляются главным образом в пределах традиционного ареала – от Прикубанья на востоке и Поднепровья на северо-западе. Более западные элементы (фракийские – В. Л.) привносились в местную среду, по-видимому, опосредованным путем [Колотухин, 2003, с. 60]. Исследователь давно утверждал, что имеющиеся данные «позволяют говорить о ведущей роли позднесрубного компонента в сложении кизил-кобинской культуры, а не просто о его влиянии» [Колотухин, 1987, с. 22].

Это крайне важно, поскольку в костных остатках нескольких захоронений срубной культуры (с археологическими датировками 3540 ± 325 лет назад и 3740 ± 125 лет назад) в Самарской области была обнаружена гаплогруппа R1a [Allentoft et al., 2015; Mathieson et al., 2015]. Данные захоронения срубной культуры (середина II тысячелетия до н. э.) с точки зрения ДНК-генеалогии – это «хвост» миграции «классических» ариев, предки которых к тому времени уже 1000–500 лет как ушли на юг, юго-восток и восток [Клёсов, 2016, с. 211].

Белозерская же культура стала, по всей вероятности, непосредственной наследницей ариев, которые ушли из Северного Причерноморья, напомним, на рубеже III–II тысячелетий до н. э. не полностью. Кроме того, белозерская культура связывается

³ Носители срубных традиций рассматриваются как мигранты, переселившиеся в Крым из степного Причерноморья [Тошев, 2007, с. 194].

с киммерийцами. При этом киммерийский период в Северном Причерноморье называют также раннескифским. Относящаяся к киммерийцам черноморовская культура сформировалась в степях Северного Причерноморья и Предкавказья на основе поздней срубной культуры и белозерской культуры [Вальчак, 2009, с. 684].

Археологические памятники позднебронзового века равнинного Крыма в целом аналогичны памятникам сопредельных районов Нижнего Поднепровья и Приазовья. Что касается горного Крыма, открытие в предгорьях группы поселений и могильников с сабастиновскими и белозерскими материалами позволили включить эту территорию в зону распространения степных культур; при этом для подкурганых погребений наиболее характерны скорченные захоронения на боку, ориентированные на восток и северо-восток, реже – с отклонением к юго-востоку; скорченные захоронения на спине единичны, как и захоронения в вытянутом положении единичны... единственный устойчивый элемент погребального обряда населения Крыма, оставившего плоские могильники – это скорченное на боку положение умерших [Колотухин, 2003, с. 10, 20–21, 23]. Эти сведения очень важны в связи с тем, что именно скорченные захоронения на боку ассоциируются с носителями арийской гаплогруппы R1a ещё со времен культуры шнуровой керамики [Naak et al., 2008], то есть с окончанием формирования и началом распада индоевропейской общности. С другой стороны, как подчеркивает Т. Н. Троицкая: «Таврским влиянием можно объяснить и появление скорченных костяков в скифских могилах... В горном Крыму, у тавров, обычай скорченного захоронения сохраняется вплоть до III–IV вв. н. э. ... Археологические данные, подтверждаемые письменными свидетельствами, заставляют говорить о наличии тесных взаимосвязей, а возможно, и о слиянии таврской и скифской культур в последние века до н. э. – первые века н. э.» [Троицкая, 2015, с. 60–61]. Тавры представляют собой этнос, сформированный путем консолидации части племен, населявших Крым в эпоху поздней бронзы. Тавры поначалу концентрировались в предгорьях, а в VI в. до н. э. некоторые таврские племена переселились в горы и на южный берег Крыма. В результате в VI–V вв. до н. э. тавры были разделены на две субэтнические группы. В IV в. до н. э. произошел обратный отток таврского населения в предгорья. На границе степей и предгорий в VI–IV вв. до н. э., вероятно, шел процесс метисации тавров (носителей кизил-кобинской культуры) и скифов, что нашло отражение в ряде погребений, сочетающих скифские и таврские черты поминально-погребальной обрядности. Исходя из уровня полученных знаний, правильно будет называть население горного и предгорного Крыма IX–III вв. до н. э. так, как их называли греки – таврами [Храпунов, 1993, с. 6–8]. В любом случае, местное население Западного Крыма ко времени появления греческих колонистов и далее, до начала нашей эры, представляло собой так или иначе потомков ранних индоевропейцев (ариев).

Это нашло отражение и в наличии культа змей в данном регионе на всем протяжении рассматриваемого периода. В конце сабастиновского этапа возникло поселе-

ние Бай-Кият⁴, на горшках которого сохранились «архаичные» элементы орнамента – вертикальные и подтреугольные насечки в виде елочки на плечиках, и где, кроме того, представлены миски сабастиновского этапа срубной культуры. Почти половина горшков имеет валики как гладкие, так и расчлененные ногтевыми вдавлениями, косыми параллельными нарезками или отпечатками мелкозубчатого штампа и нарезками в виде зигзага, выполненными острым предметом [Колотухин, 2003, с. 43, 56, рис.52, 1–12]. Такие валики, особенно с орнаментом в виде зигзага, можно расценивать как змеевидные, тем более – в контексте предложенной А. В. Кияшко концепции «создания змеи» в процессе декорирования валиков керамической посуды эпохи бронзы [Кияшко, 2001, с. 30]. В ряде курганных захоронений позднебронзового времени найдены горшковидные сосуды, имеющие валики с пальцевыми вдавлениями: в могиле № 7 кургана № 4 (Столбовое⁵) и в могиле № 1 кургана № 2 (Открытое⁶) [Колотухин, 2003, рис. 30, 2, 10]; очень интересны горшок, орнаментированный меандром из могилы № 1 кургана №12/1982 (Крыловка⁷), и горшок с тремя «змеевидными» валиками из могилы № 1 кургана № 8 (Далекое⁸) [Колотухин, 2003, с. 24, рис. 30, 13, 14]. Валики с пальцевыми вдавлениями можно считать змеевидными в контексте концепции «создания змеи», а меандр является усложненным зигзагом и также трактуется как змеевидный. Существенно, что в захоронениях эпохи бронзы посуда со змеевидными валиками нередко ставилась вверх дном. Тогда сосуд олицетворял собой основу мироздания – Мировое древо, а оказавшийся внизу валик – Мирового змея у корней древа. Три змеевидных валика олицетворяют представления ранних индоевропейцев о троичности бога земли, который часто изображался в виде трех змей [Голан, 1993, с. 144]. Кроме того, Змей нередко ассоциировался с самим Мировым древом, соединяющим три мира всего сущего [Топоров, 2010, с. 66].

На поселении Бай-Кият также найдены два бронзовых браслета [Тощев, 2007, рис. 103, 3, 4], которые вполне можно считать змеевидными. Поселения этого же времени известны также в Горном и Северо-Западном Крыму. Например, поселение Фонтаны, расположенное на правом берегу реки Западный Булганак⁹, южнее одноименного села в предгорном Крыму. Здесь также найдены фрагменты лепной посуды с

⁴Поселение Бай-Кият расположено в 3 км к северо-западу от села Владимировка (бывшее Бай-Кият) в Черноморском районе, занимающем территорию Тарханкутского полуострова на крайнем западе Крыма. Автор раскопок В. А. Колотухин считает возможным выделение на поселении четырех строительных периодов, наиболее ранний из которых относится к концу сабастиновского периода, и датировать памятник XII–XI вв. до н. э., относя в целом к белозерскому периоду [Колотухин, 2003, с. 56].

⁵Столбовое – село на севере Сакского района, в степном Крыму, у границы с Раздольненским районом.

⁶Открытое – село на юге Первомайского района, в степном Крыму, у границы с Сакским районом.

⁷Крыловка – самое западное село Сакского района, лежит в степной зоне Крыма, севернее Ойбурского озера.

⁸Село Далёкое расположено на северо-востоке Черноморского района, на Тарханкутской возвышенности, у границы с Раздольненским районом.

⁹Западный Булганак или Булганак – маловодная река на юго-западе Крыма (в Бахчисарайском и Симферопольском районах).

валиками, которые можно интерпретировать как змеевидные [Колотухин, 1996, с. 53–54, рис. 17, 9, 15; 18, 1, 2;]. Данное поселение является субстратным белозерским, которое еще не содержит специфичного посудного набора парадной керамики – одного из основных признаков кизил-кобинского материального комплекса. Вместе с тем, появившись к концу белозерского этапа [Колотухин, 1987, с. 22], оно синхронно или непосредственно предшествует появлению первых кизил-кобинских поселений [Кравченко, 2010, с. 91]. Поселение у села Фонтаны не представляет в предгорном и горном Крыму изолированного явления: посднесрубная керамика выявляется в слоях поселений в Байдарской долине [Колотухин, 1987, с. 22]. Раскопками 1907 года продолговатого кургана Мал-Муз в Байдарской долине, неподалеку от деревни Баги¹⁰, в каменном ящике № 22 с групповым захоронением (не менее 30 человек) выявлено несколько бронзовых браслетов с окончаниями в виде головки змеи либо с окончаниями в формах, которые можно трактовать как змеевидные [Репников, 1909, с. 138, 140–141, рис. 29].

Наиболее богатый в контексте нашего исследования материал обнаружен при раскопках могильника у поселения Дружное-2 (Симферопольский район), где саба-тиновские и белозерские материалы происходят преимущественно из нижнего слоя и зольника [Колотухин, 1996, с. 22]. Данное поселение, определенное как раннее, вероятно, появляется в середине X в. до н. э. [Кравченко, 2010, с. 91]. Погребальные сооружения могильника Дружное-2¹¹ представляют собой относительно крупные (каменные) ящики. Наиболее распространенной категорией находок здесь являются бронзовые браслеты, представленные 41 экземпляром. Часть из них изготовлена из подтреугольной в сечении пластины, лицевые стороны срезанных под тупым углом концов у двух из них орнаментированы. Другие браслеты – проволочные, которые можно разделить на 5 типов. Тип 1 – с несомкнутыми, утолщенными в виде раструба концами; утолщения рифленые, на торцах – косые кресты. Тип 2 – с раскованными (лопаточковидными) концами; на концах одного из них – косые насечки, у двух других они оформлены в виде змеиных головок. Тип 3 – с биконическими шишечками на концах. Тип 4 – с плавно утолщенными и расширенными концами. Тип 5 – с заостренными, скругленными или обрубленными концами [Колотухин, 1987, с. 10–11, рис. 2, 1–10]. Если браслеты типа 2 являются явно змеевидными, то остальные типы также можно отнести к таковым.

В связи с этим следует особо остановиться на браслетах с коническими (биконическими) шишечками на концах, как и на подобных браслетах из кургана Мал-Муз. Дело в том, что они отчетливо подтверждают фракийское влияние в Крыму, поскольку орнаментальный мотив в виде конических шишечек имеет северо-фракийское

¹⁰ Байдарская долина – межгорная котловина в юго-западной части Крыма. Деревня Бага – ныне село Новобобровское в Балаклавском районе города федерального значения Севастополя.

¹¹ Начало функционирования могильника Дружное-2 можно отнести к VII в. до н. э. [Кравченко, 2010, с. 33].

происхождение (в четко очерченном ареале – в Словакии и на Венгерской низменности), используя на браслетах, серьгах, шейных гривнах. В конце VII в. до н. э. украшения с коническими (биконическими) шишечками стали появляться в лесостепи, а затем и в степи Северного Причерноморья [Петренко, 1978, с. 26, 41, 44, табл. 22, 7–10; с. 28, табл. 3–5; с. 29, табл. 6; с. 38]. А на востоке фракийского ареала серьги с коническими шишечками на окончаниях обнаружены: в погребениях 19/2 и 109/1 скифского могильника III–II вв. до н. э. у села Глиное (Слободзейский район Приднестровской Молдавской республики) [Тельнов, Синика, 2012, с. 72]. Серьги, оба окончания которых оформлены шишечками, обнаружены также на левобережье Нижнего Днестра при раскопках кургана у с. Суклея, а также скифского кургана 345 (IV в. до н.э.) у с. Чобручи на Тираспольщине; дата кургана у села Суклея определяется III–II вв. до н.э. [Мелюкова, 1962, с. 151, табл. 2, 6; 10, 3], т.е. он синхронен комплексам могильника у села Глиное. Из погребения 5 могильника Николаевка-I на левобережье Днестровского лимана происходит серьга, у которой только одно окончание оформлено в виде шишечки [Петренко, 1978, с. 35, табл. 22, 6]. Традиция оформления концов украшений коническими шишечками сохранялась и далее. Об этом свидетельствует, например, находка браслета с коническими головками в сарматском «диагональном» погребении (I в. н. э.) в кургане 2 у с. Ново-Филипповки близ Мелитополя (Запорожская область Украины) [Сулимирский, 2008, с. 123, рис. 49]. Всё это подтверждает не только длительное существование данного орнаментального мотива, но его распространение затем в скифской среде (как во Фракии, так и в Крыму), а также среди сарматов.

Другими словами, украшения с коническими головками на концах служат одним из маркеров распространения фракийцев к востоку, в частности – на территорию Западного Крыма. В. Г. Петренко считает такую «шишечку, имитирующей змеиную головку», как и в случае браслетов с окончаниями в виде «лопаточек», рассматривая браслеты, согнутые «из бронзового или железного стержня, круглого, сегментовидного или овального сечения, концы которого расклепаны в виде стилизованной змеиной головки и только в отдельных случаях имеют более реалистическое изображение... Этот тип не был самостоятельным, а являлся трансформацией браслетов со змеиными головками». Исследовательница указывала также на то, что имитация головки змеи имеет место, когда концы браслетов просто расклепаны или утолщены и снабжены каким-либо орнаментом или рядом круговых насечек, что также символизирует головки змей. На некоторых находках в Северном Причерноморье концы браслетов просто расклепаны или утолщены и снабжены каким-либо орнаментом или рядом круговых насечек, что также символизирует головки змей. Позднее конический символ, как, например, орнамент в виде косого креста между группами продольных линий или ряда круговых насечек, символизирующих головки змеи, заменяется (не только на гривнах, но и на серьгах, а также кольцах) её реальным изображением.

Браслеты на окончаниях головок иногда имеют орнамент в виде косого кре-

ста между группами продольных линий. В. Г. Петренко предполагала их фракийское происхождение [Петренко, 1978, с. 53]. И для этого есть все основания – подобный браслет найден в погребении 31 могильника Сентеш-Векерзуг (венгерское Придунавье, конец VII – начало VI в. до н. э.), материалы которого показывают наличие фракийских связей [Дараган, 2010, р. 106, рис. 20, 2]. Позднее конический символ, как, например, орнамент в виде косо́го креста между группами продольных линий или ряда круговых насечек, символизирующих головки змеи, заменяется (не только на гривнах, но и на серьгах, а также кольцах) её реальным изображением. Кроме того, В. Г. Петренко подчеркивала, что головка змеи может быть показана не только соответствующей или подобной формой, но и «с помощью орнамента в виде полос, кружков и косых крестов, выполненного гравировкой» [Петренко, 1978, с. 28, 52, 53, 55]. Последнее мнение поддерживается и сегодня. Так, Н. Тельнов и В. Синика утверждают: «Мнение о том, что такие браслеты являются трансформацией браслетов со змеиными головками, представляется обоснованным. Об этом также свидетельствует практически идентичная орнаментация в виде кружочков, линий и крестов, которая нередко присутствует на браслетах с окончаниями в виде змеиных головок и в виде лопаточек, имитируя, безусловно, глаза, раскраску и чешую змеи» [Тельнов, Синика, 2012, с. 72]. Имеющий фракийское происхождение орнамент в виде косо́го креста между группами продольных линий или ряда круговых насечек, символизирующих головку змеи, то он широко представлен на браслетах из могильника Дружное-2, а также на браслетах из кургана Мал-Муз, что еще раз подтверждает фракийское влияние в Западном Крыму на самых ранних этапах формирования кизил-кобинской культуры, связанной с таврами. Н. В. Пятышева давно отметила: «Культура тавров стоит на гораздо более низком уровне, чем культура скифов, но, несмотря на кажущуюся изолированность и действительную примитивность, она оказывается связанной с культурами раннескифской, позднекобанской, позднегаллштаттской и раннелатенской ... по инвентарю каменных ящиков прослеживается ее связь с Востоком и Западом» [Пятышева, 1949, с. 122]. Но если существенные связи культуры тавров с позднекобанской культурой в дальнейшем не нашли безусловного подтверждения, то влияние позднегаллштаттской и раннелатенской (фракийских) культур несомненно на протяжении нескольких столетий.

Не только змеевидные браслеты различных форм и орнаментов свидетельствуют о культе змей – погребальные каменные ящики, характерные для тавров, были расписаны внутри белыми, черными или красными полосами, треугольниками, ромбами, точками и волнистыми линиями (использовались, соответственно, мел, сажа и охра); при этом волнистые линии могли изображать змей [Лесков, 1965, с. 76–77]. На керамике из могильника Дружное-2 несколько лепных сосудов имеют или змеевидный валик, или змеевидный орнамент: в одном из случаев это волнистая линия, в другом – это три волнистые линии в сочетании с тремя рядами орнамента из мелких кружков. Значительное количество лепной керамики кизил-кобинской культуры второй половины VI – первой половины IV в. до н. э. украшено ранним типом гребенчатого

орнамента в виде различных геометрических фигур, выполненных гребёной-штампом. На некоторых находках, на наш взгляд, можно выделить «змеевидный» орнамент, например: вертикальная тройная волнистая линия (из Ташлы-Баир¹²), встречаются вертикальные зигзаги (бывш. имение Э. Б. Бобовича в Евпатории, курган 1/1) и вертикальные волнистые линии (Григорьевка¹³, погребение 5/9) [Сенаторов, 2011, с.354–355, 358, рис. 1, 5; 2, 1; 2, 3, 5] (рис. 9, 5, 1). Более подробные данные о находках у с. Григорьевки приводит В. А. Колотухин: в могиле № 9 (вторая половина V – первая половина IV в. до н. э.) кургана 5 у села Григорьевка Красногвардейского района Крыма найдена лепная корчага с орнаментом ниже шейки в виде зигзага, ограниченного двумя линиями («лента»), а от него по тулову – вертикальные волнистые линии. В этой же могиле обнаружен лепной горшок с врезным орнаментом в виде зигзага на шейке и вертикальных, слегка волнистых линий по тулову. В этом же кургане, но в могиле № 12 (датированной серединой V – серединой IV в. до н. э.) найден лепной горшок с орнаментом в виде ленты с группами штрихов под углом между группами, а также по вертикали парными «лентами» с заштрихованными ромбами [Колотухин, 2000, с. 36–37, рис. 22, 2, 9]. А. В. Кияшко утверждает: «Основная вертикальная композиция на сосудах делает их моделью Мирового Древа, а горизонтальный валик есть не что иное, как образ Змея, располагающегося у его корней. <...> Ещё одной особенностью змеевидных изображений является их многократное повторение на ряде сосудов, а также телескопическая способность охватывать всё тулово, фиксируя тем самым значимость этого мотива... Кроме того, известны изображения змеи на культовой керамике в виде вертикального зигзага. <...> Изучение семантики орнамента позволяет установить особенности воплощения основного мифологического сюжета – Мирового Древа и подчинённого ему персонажа – Змея-Дракона» [Кияшко, 2001]. Волнистые линии традиционно считаются символами змей, а тройная волнистая линия вполне может олицетворять, как и три змеевидных валика, представления индоевропейцев о троичности бога земли, который часто изображался в виде трех змей [Голан, 1993, с. 144]. Мы считаем, что важность изучения такой керамики и особенно интерпретации орнаментов на ней обусловлена тем, что её бытование приходится на время существенных изменений в материальной культуре племён кизил-кобинской культуры, связанных с освоением Крыма греческими колонистами и кочевыми скифами. Например, в некоторых скифских погребениях курганов Юго-Западного Крыма – в погребении 6 (конец VI – V вв. до н. э.) кургана 2, 1986 г. (в 2 км к юго-западу от с. Вилино Бахчисарайского района) и в погребении 1 (вторая половина V в. до н.э.) кургана 1 (в 1 км к северо-западу – западу от главного въезда в с. Кольчугино Симферопольского

¹² Небольшой грунтовый могильник Ташлы-Баир выявлен при исследовании грунтового некрополя Нейзац под Симферополем в 2003 г. Он расположен в 0,5 км к юго-востоку от села Баланово Белогорского района.

¹³ Село Григорьевка расположено в степном Крыму, в Красногвардейском районе, севернее Симферопольского района.

района) обнаружены сосуды кизил-кобинской культуры с гребенчатым орнаментом типа «волчьего зуба» [Колтухов, Сенаторов, 2015, с. 80–81, 88, рис. 2, 12; 9, 1], который представляет собой по сути усложненный зигзаг; последний же в орнаменте лепных сосудов, как известно, трактуется как «змеевидный». Кстати, подобный орнамент имеется на целом ряде сосудов из могильника Дружное-2 [Колотухин, 1987, рис. 2].

Тем временем в Западном Крыму появились греки-колонисты. В середине 1980-х гг. по материалам поселения Панское-1 и его некрополя была выдвинута идея о колонизации ольвиополитами Северо-Западного Крыма и даже основания там ими городов, поселений и фортов на рубеже V–IV вв. до н. э. (Калос Лимен, городища Караджинское и Чайка), что свидетельствует о возможном расширении территориальных владений Ольвийского государства на юго-восток. В подтверждение этой гипотезы приводили сходные с ольвийскими элементы материальной культуры, в частности – архитектурные приемы домостроения и фортификации, а также погребальный обряд [Щеглов, Рогов, 1985; Рогов, 2000] и отдельные граффити [Виноградов, 1990, табл. V, VI]. Однако более логично появление на рубеже V–IV вв. до н. э. поселения Панское-1, как и других памятников Северо-Западного Крыма не в связи с волной колонистов из Нижнего Побужья, а с деятельностью других ионийских центров Северного Причерноморья, в первую очередь – Керкинитиды [Кутайсов, 2001; 2004, с. 110–111]. Но вполне возможно присутствие среди жителей Панское-1 также и выходцев из Ольвии, про что могут свидетельствовать граффити, созданные, правда, в эллинистическое время [Снітко, 2012, с. 34].

Керкинитиды была выведена ионийцами в географически важную точку приморской полосы Западного Крыма, судя по археологическим данным, в третьей четверти VI в. до н. э., ближе к середине названного столетия, что, по-видимому, было связано с разгромом Персией Ионии в 545 г. до н. э. [Кутайсов, 1990, с. 143; 2004, с. 101]. На первых же порах наблюдается активный процесс метисации населения Керкинитиды, как и в других колониях Северного Причерноморья [Яйленко, 1982, с. 40, прим. 10; Кутайсов, 1987, с. 37]. О достаточно широкой практике смешанных браков на ранних этапах колонизации сообщает Геродот (I, 146), а о присутствии в Керкинитиде варваров свидетельствуют находки значительного числа кизил-кобинской и скифской керамики [Кутайсов, 1990, с. 143; 2004, с. 101]. При этом в лепной посуде Керкинитиды имеются в наличии все основные категории кизил-кобинской керамики. Данная керамика встречается преимущественно в ранних культурных отложениях города, от начала V в. до н. э. и до середины – третьей четверти IV в. до н. э. Она обнаружена при раскопках традиционных греческих жилищ, ничем не отличающихся от остальной застройки Керкинитиды. Несколько обломков в качестве исключения найдены и в более поздних слоях III в. и даже II в. до н. э. Значительная часть найденных фрагментов орнаментирована заштрихованными и обращенными кверху треугольниками или треугольниками, контуры которых прочерчены острием, а внутреннее пространство заполнено вдавлениями [Кутайсов, 1987, с. 29–35, рис. 4, 12; 5, 6–13],

которые можно расценивать как производные зигзага, символизирующего змей.

Отметим, что, видимо, не выходцы из Ольвии, но из другого полиса оказали некое влияние на населенные пункты Северо-Западного и Западного Крыма в позднеархаическое время. Основываясь на «очевидном стилистическом сходстве монет-стрелок Борисфена и Керкинитиды» (подчеркнем, что речь в данном случае речь может идти только о типе I монет-стрелок Керкинитиды, что мы обсудим ниже – В. Л.), С.Л. Соловьев полагает, что это «доказывает культурно-политическую связь Северо-Западного Крыма и Борисфена, а также их экономико-географическое единство в поздний архаический период. Более того, эти данные могут свидетельствовать о том, что некоторая часть населения Борисфена переселилась в Керкинитиду во второй – третьей четверти V в. до н. э., когда территория Березанского городища сократилась, а на его северо-западной окраине туземное поселение было возведено поверх заброшенных греческих городских кварталов». Исследователь показал и причину этого: «В V в. до н. э. военно-политическая нестабильность в степной зоне Северного Причерноморья заметно ударила по экономике Борисфена, лишив ее одного из важнейших условий своего процветания, которое основывалось на традиционных экономических связях со скифами в лесостепной зоне. Последствия этих негативных факторов для существования Борисфена были необратимыми. В конце концов они привели к экономическому упадку и сокращению населения полиса». Отток населения был направлен в том числе на Западный Крым, поэтому утверждение «мы можем констатировать активное участие граждан Борисфена в истории Керкинитиды в конце VI – начале V в. до н. э.» [Solovyov, 2006, p. 72] вполне приемлемо.

Времени основания Керкинитиды синхронна самая древняя археологическая находка на первоначальном херсонесском поселении – крышка беотийской леканы, датированная третьей четвертью VI в. до н. э. Удастся также достаточно точно установить дату бытования здесь наиболее ранних ионийских сосудов, которая приходится на последнюю четверть VI в. до н. э., но не позднее, вероятно, времени персидского разрушения Милета. Многочисленные находки ионийской керамики в древнейших слоях Херсонеса позволяют считать ее массовым археологическим источником для Херсонеса. Надежные датировки этой категории находок определяются последней четвертью VI – второй четвертью V в. до н. э. [Золотарев, 1995]. Что касается основания Херсонеса как дорийской колонии, то это сделали несколько позже (в 424–421 годах до н. э.) выходцы из малоазийской Гераклеи Понтийской, совместно с делосцами, о чем сообщает Псевдо-Скимн. Заложенная сначала у современной Карантинной бухты Севастополя колония вскоре осваивает Гераклеяский полуостров, который являлся сельскохозяйственной территорией города [Доманский, 1974, с. 42–46]. Относительно состава населения дорийского Херсонеса до сих пор есть мнение, что оно было исключительно греческим. При этом ссылаются на фрагмент Плиния Старшего (N.H. IV, 85): «Гераклеяский Херсонес... Обнесенный пятимильной стеной, он отличается особым блеском во всей этой области, потому что в нем сохраняются греческие обычаи» (пер. А. В. Подосинова). В комментарии к этому отрывку

А. В. Подосинов и М. В. Скржинская безапелляционно утверждают: «Историки и археологи также отмечают особую чистоту греческого культурного и этнического компонента в Херсонесе по сравнению с Ольвией и Пантикапеем, где мирные отношения с местными жителями приводили к большей варваризации греков, эллинизируя при этом варваров» [Подосинов, Скржинская, 2011, с. 272 прим. 250].

Мало того, что это приводится без каких-либо ссылок, данное утверждение еще и противоречит давно имеющимся археологическим данным. Раскопками С.Ф.Стржелецкого еще в 1945 году установлено, что некрополь (между стеной города и северным берегом), датированный по фрагментам греческой керамики в период не ранее середины IV – начало III в. до н. э., «принадлежал аборигенам Крыма – таврам, гражданам Херсонеса. Из восьми погребений пять свидетельствуют о таврском происхождении покойников по скорченному или полускорченному положению костяков». Исследователь в итоге сделал очень важный вывод: «Тавры могли выполнять свой религиозный древний обряд в «греческом» городе, будучи не только свободными, но и равноправными гражданами Херсонеса. Маловероятно, что греки в противном случае допустили бы существование этого обряда в своем городе» [Стржелецкий, 1948, с. 86, 94–95]. Н. В. Пятыешева констатировала: «Некрополь со скорченными костяками, обнаруженный раскопками Г. Д. Белова в 1936 г.¹⁴ на северном берегу Херсонесского городища, принадлежал таврам и функционировал в течение IV–II вв. до н. э. Херсонес с самого начала своего основания был не чисто греческим, а греко-варварским городом. На основании многих данных мне представляется возможным говорить о Херсонесе как о городе, в котором местный элемент играл определенную гражданскую роль. Смешанный характер его населения сказался в быту, искусстве, религиозных обрядах и религиозно-идеологических воззрениях. Все вместе взятое выделяет его из всех других городов Северного Причерноморья и позволяет говорить о живой органической связи эллинской и варварской культур в античный период истории» [Пятыешева, 1949, с. 122–124]. В развитие этого В.Ф.Гайдукевич и С. И. Капошина сделали вывод: «Совместная жизнь греков с таврами и скифами не могла не сказаться и на культурном облике Херсонеса. Наличие в Херсонесе культа синкретического греко-варварского божества [Пятыешева, 1947], поклонение которому составляло главный культ херсонесцев, убедительно это доказывает. Поэтому сообщение Плиния о чистоте греческой культуры Херсонеса может

¹⁴ Обобщая результаты этих раскопок и исследования 1952 года, Г. Д. Белов заключил: «Значительная часть погребений в скорченном положении ...позволяет считать, что на месте Херсонеса существовало местное таврское поселение, которое к тому времени (времени основания города – В. Л.) было уже довольно значительным; к нему и присоединились греки-пришельцы, поселившиеся не на новом, а на уже обжитом месте и установившие широкие связи с местными жителями. ...Тавры оставались в Херсонесе в течение длительного времени, продолжая жить в городе вместе с греками, и пользовались предметами греческой культуры. ...Убедительным тому доказательством является известный факт заимствования греками у тавров культа богини Девы» [Белов, 1953, с. 13].

быть принято с известными ограничениями» [Гайдукевич, Капошина, 1951, с. 167]. С тех пор не было получено убедительных данных, которые бы опровергли все эти факты и выводы. Обращает на себя внимание скорченное положение погребенных в указанных некрополях, что еще раз свидетельствует о том, что тавры были реликтовыми ариями (см. выше).

В IV в. до н. э. Херсонес осваивает обширные земли Северо-Западного Крыма и формирует свою дальнюю хору. Присутствие или влияние ольвиополитов было здесь решительно пресечено, древний ионийский город Керкинитида был аннексирован и стал опорным пунктом херсонеситов наряду с другими их крепостями, протянувшимися на север вплоть до Прекрасной гавани (Калос Лимен). Этот город¹⁵ основали в IV в. до н. э. выходцы из Ионии. Но уже к концу IV в. до н. э. Калос Лимен был захвачен Херсонесом. Так Крым оказался фактически поделен между двумя греческими территориальными государствами – Боспором и Херсонесом [Доманский, Фролов, 1995, с. 106–107]. Поселение Чайка (в сегодняшнем поселке Заозерное, недалеко от западной окраины Евпатории) появляется примерно в середине IV в. до н. э. Это время строительства здесь крепости властями Херсонеса, которая была возведена в традициях греческого фортификационного искусства, несомненно, по единому плану, с привлечением архитекторов и умелых строителей [Попова, 2009, с. 106]. В последней четверти IV в. до н. э. выходцы из Херсонеса основали поселение Беляус на самом берегу моря, на небольшой природной возвышенности, в 40 км на северо-запад от Керкинитиды и в 7 км от лимана озера Донузлав [Снітко, 2020]. Примерно в это же время появляется поселение Маслины, расположенное на Тарханкутском полуострове около современного села Северное Черноморского района, на морском побережье Каркинитского залива [Котенко, 2015]. В Северо-Западном Крыму на многих античных поселениях, в т. ч. Беляус, Панское, Маслины, были сделаны находки лепной керамики кизил-кобинского типа, в Херсонесе же преобладает керамика более ранняя. На городище Чайка лепная керамика с резным орнаментом встречается в нижних горизонтах в довольно большом количестве. Несомненно, что она принадлежит к типу кизил-кобинской посуды. Эта керамика настолько специфична, что в приемах ее изготовления и орнаментации исследователи вполне оправданно усматривают отражение устойчивых традиций, сложившихся в определенном этносе, и данная керамика принадлежит, несомненно, таврам [Попова, 2009, с. 114–115]. В керамическом материале поселения Маслины выделяется группа фрагментов орнаментированной посуды, которая относится к таврскому периоду развития кизил-кобинской культуры и может датироваться второй четвертью IV в. до н. э. Это дает возможность говорить о заселении таврами данной территории еще до прихода греческих колонистов [Котенко, 2015].

¹⁵ Калос Лимен расположен в северо-восточной, степной части полуострова Тарханкут, в 1,5 км от современного курортного поселка Черноморское, на побережье Каркинитского залива, в районе бухты Узкая.

Приведенные данные объясняют, почему и с началом колонизации в Западном Крыму сохранялся культ змей. В могиле № 5 (впускное погребение) кургана 6 у села Березовка Раздольненского района Крыма¹⁶ найден лепной сосуд, характер орнамента которого (шахматная композиция в сочетании с косым крестом из лент, вертикальными линиями и лентой с заштрихованными ромбами) находит ближайшие параллели среди кизил-кобинской посуды второй половины VI – конца V в. до н. э. Учитывая распространение орнамента на шейку и нижнюю часть сосуда – явление в Горном Крыму позднее, сосуд и соответственно погребение могут быть отнесены к концу V – первой половине IV в. до н. э. [Колотухин, 2000, с. 18–19, рис. 9, I]. В ящике 1 могильника Уркуста-I¹⁷, который был отнесен к наиболее поздним из кизил-кобинских и датирован IV–III вв. до н. э. [Лесков 1965, с. 82], был найден бронзовый браслет с утолщением на одном из концов. Этот браслет принадлежит к имеющим биконические шишечки на концах [Лесков, Кравченко, 2007, с. 11, 15, рис. 13, I; Кравченко, 2011, с. 33], что говорит о продолжающемся фракийском влиянии.

Всё это свидетельствует о благодатной местной сакральной почве для закрепления и развития культа Ахилла в Западном Крыму. Напомним, что святилище Ахилла на Бейкуше относилось к Борисфену, бывшему в позднеархаическое время самостоятельным полисом. Поэтому, когда население ввиду возникновения военно-политической нестабильности в степной зоне Северного Причерноморья стало массово покидать Борисфен (см. выше), адепты культа Ахилла тоже вполне могли переселиться в Западный Крым после прекращения деятельности Бейкушского святилища в V в. до н. э. Но дело не только в них, но и в ионийцах, основавших Керкинитиду и Калос Лимен, а также первыми прибывшими на территорию будущего Херсонеса. Распространенное ранее мнение об исключительно милетском (греческом) происхождении культа Ахилла в Северном Причерноморье представляется несостоятельным, поскольку в Милете (как и в Ионии в целом) сколь-либо развитый культ Ахилла не подтверждается ни древними источниками, ни данными археологии. Решающим фактором формирования архаического культа Ахилла в Северном Причерноморье на начальном этапе явилась встреча колонистов с мощным идеологическим феноменом – почитанием местными племенами (реликтовыми ариями и, вероятно, фракийцами) практически непрерывно, начиная с IV тысячелетия до н. э., Āhi-Змея – Первопредка и олицетворения родившегося в Северном Причерноморье индоевропейского мировоззрения [Лазаренко, 2016; 2018, с. 323–358]. Фракийское влияние, многочисленные свидетельства которого в Западном Крыму были отмечены выше, также могло сыграть определенную роль, поскольку образ Верховного бога фракийцев – Фракийского всадника имел в истоках ранние индоевропейские корни и во многих аспектах был схож с образом Ахилла, включая тесную связь со змеями [Лазаренко, 2017].

¹⁶ Раздольненский район примыкает к морю на крайнем северо-западе Крыма.

¹⁷ Могильник Уркуста-I расположен на плато на севере Байдарской долины в 2 км от села Передовое/Уркуста в Юго-Западном Крыму.

При этом гораздо большее значение могли иметь архетипические верования до-рийцев, основавших Херсонес, а затем и его дальнюю хору по всему Западнему Крыму. Основанием для этого, по всей вероятности, служил весьма специфический культ Ахилла Аспета в Эпире, о котором есть несколько древних сообщений. Так, по Плутарху (Pyrrh. I), Неоптолем, сын Ахилла, придя сюда во главе своего племени, захватил страну и положил начало царской династии Пирридов. Несмотря на то, что при преемниках первых царей их род захирел, впал в варварство и утратил былую власть, с момента завоевания и до времен, по крайней мере Плутарха, там чтити наравне с богами и Ахилла, называя его на местном наречии Аспетом (пер.С.А.Ошерова). Данное сообщение подтверждается глоссой Гесихия «Аспет» – Hsch. s.u. Ἀσπετος, ὁ Ἀχιλλεύς ἐν Ἠπείρῳ, ὡς φησὶν Ἀριστοτέλης ἐν Ὀπουντίων πολιτείᾳ (FHGII: 145, fr. 121): «Аспет – Ахилл в Эпире, как говорит Аристотель в Опунтской политии». Птолемей Гефестион (I) указывает: «Аристоник из Тарента¹⁸ сообщает, что Ахилл, когда пребывал среди девушек в доме Ликомеда, носил имя Керкисера, также его звали Исса, Пирра, Аспет и Прометей» [Птолемей Хенн]. Можно по-разному оценивать это сообщение, как и самого Птолемея Гефестиона¹⁹ в целом, но прозвище Ахилла, в юности Аспет, представляется здесь не случайным. Отмечу следующее. Царский род Неоптолема мог, как и любой другой, захиреть, но как он впал в варварство? Ответ напрашивается один – возможно, они и до того считались «варварами» (учитывая их «местное наречие», подчеркнутое Плутархом), а не «чистыми» греками. Примечательно, что Пиндар (Nem. IV, 46–48, 52) сравнивает Ахилла, царствующего «на Евксинском блистательном острове», в частности, с тем, как царствует его сын «Неоптолем – в пронизывающем дали Эпире» (пер. М.Л.Гаспарова). Завоевателями же Эпира тогда были в основном дорийцы. Их вторжение в Северную Грецию (около 1300 г. до н. э.) совпало по времени с продвижением туда же племен иллирийцев, также принадлежавших к индоевропейским племенам, прибывшим через территорию исторической Фракии из Северного Причерноморья. В течение столетия после начала вторжения дорийцев хотя не все районы греческого мира подпали под власть завоевателей, но центры наиболее могущественных ахейских государств были разгромлены и уничтожены. Территория ахейских государств, заселенная вновь прибывшими племенами, была поделена между отдельными племенными общинами завоевателей [Колобова, Глускина, 1958, с. 41–42]. Следует отметить, что Эпир представлялся в древности не просто одной из областей Греции. Вот что сказано по этому поводу в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона: «Словом Эпир у древних греков обозначался вообще материк, в противоположность островам...

¹⁸ Аристоник Тарентский – греческий автор сочинений мифолого-исторического содержания, от которых сохранилось несколько фрагментов.

¹⁹ Птолемей Гефестион или Птолемей Хенн (вторая половина I в. – первая половина II в. н. э.), согласно словари Суды, жил в Александрии. Грамматик, чье сочинение «Новая история для многознающих» в семи книгах сохранилось в подробном пересказе патриарха Фотия.

Постепенно это значение сузилось, и слово «Эпир» стало обозначать область, смежную на севере с Иллирией, на востоке с Фессалией, на юге с Этолией и Акарнанией. Хотя Эпир и относится к числу областей Собственной Греции, но племена, населявшие его в историческую пору, считались «варварскими»: это были ветви индоевропейской расы, родственной иллирийцам. Современными учеными поддерживается мнение, что расселение эллинов с севера на юг началось с Эпира, который может быть признан колыбелью греческого народа, впоследствии вытесненного отсюда движением соседних северных племен» [Эпир] (выделение курсивом наше – В.Л.). Так что Эпир имел с древнейших времен важное значение в индоевропейском аспекте при формировании Эллады, причем – в тесной связи с Ахиллом.

Но, пожалуй, главное здесь в контексте нашего исследования – это прозвище Ахилла Аспет, которое упоминается в античных источниках, приведенных выше. До наших исследований [Лазаренко, 2018, с. 224–228] никто из специалистов глубоко не анализировал образ Ахилла Аспета, хотя даже в гимназическом словаре А.Д.Вейсмана *ἄσπετος* трактуется как «несказанный, неизмеримо большой, неизмеримый, бесконечный» [Вейсман, 1899, с. 207]. Словарь Лиддела-Скотта дает еще более широкое толкование значению «аспет»: «*unspeakable, unutterable* (со ссылкой на Гомера и Гесиода); *most lyinsense of unspeakable great* (II. 8, 558; 18, 403); *more rarely of number countless* (Od. 4, 75)» – «несказанный, невыразимый, неизреченный; в основном смысле – несказанно великий, невыразимо большой; реже – бесконечный, бесчисленный» [Liddel, Scott, 1901, p. 233]. Это делает невозможным представление об Ахилле только как герое, поскольку такие категории могут быть соотнесены только с божествами, причем верховными, богами-творцами. Так что древние представления об Ахилле дорийцев (прибывших в Западный Крым дальних потомков ранних индоевропейцев Северного Причерноморья) просто не могли не совпасть с почитанием реликтовыми ариями данного региона, в т. ч. таврами, *Áhi*-Змея (Верховном божестве и Первопредке) – возможного прообраза Ахилла (см. выше).

Почитание Ахилла в Западном Крыму отразилось в ряде граффити, обнаруженных в Херсонесе и на его хоре. Их действительное число и значимость, на наш взгляд, недооценены специалистами. Например, А. И. Романчук в своей капитальной монографии о Херсонесе приводит лишь следующее: «В ходе раскопок в Херсонесе памятники, которые связаны с именем другого героя – Ахилла – единичны: несколько граффити-посвящений V–II вв. до н. э.» [Романчук, 2008, с. 539]. С.Ю. Сапрыкин и С.Ю. Внуков категоричны: «Кульτ Ахилла не был популярен в дорийском Херсонесе и на его сельской периферии. Известно всего несколько граффити-посвящений на чернолаковой посуде, которые сохранили только начальные буквы имени этого героя: AXI, AX (ГАХ²⁰ № 388–402). На хоре Херсонеса зафиксировано всего два граффити AX, которые могут быть предположительно связаны с этим геро-

²⁰ ГАХ – Соломоник Э. И., отв. ред. Граффити античного Херсонеса (на чернолаковых сосудах). Киев: Наукова думка, 1978. 139 с., табл.

ем. Одно происходит с усадьбы в районе балки Бермана, другое из Северо-Западного Крыма, из района оз. Донузлав. Не исключено, что эти аббревиатуры скрывали личные теофорные имена владельцев сосудов типа Ахиллодор, Ахиллей, Ахиллетос, Ахиллий²¹ и т. п. И только одно херсонесское граффито Ἀχιλλε[ι] можно уверенно связывать с культом героя Ахилла (ГАХ № 388). Незначительное количество посвящений из Херсонеса показывает, что культ Ахилла там был не государственным, а скорее, частным. Ахилла могли почитать, главным образом, иностранцы, представители ионийских полисов, где его культ широко засвидетельствован» [Сапрыкин, Внуков, 2015, с. 114]. Заметим, что здесь культ Ахилла фактически «присвоен» ионийцам, что является отражением опровергнутого в настоящее время, но еще распространенного мнения об импорте культа Ахилла в Северное Причерноморье из Милета, т.е. о чисто греческом происхождении данного культа. Мы ранее показали, что количество граффити, найденных на территории Херсонесского полиса, которые могут быть отнесены к Ахиллу, несколько больше, чем считают приведенные выше авторы [Лазаренко, 2019, с. 38]. В настоящее время мы можем существенно дополнить этот перечень. Недооценка некоторых граффити предыдущими исследователями может быть вызвана тем, что они не учитывают, что подавляющее большинство ранних посвящений Ахиллу, например, из Нижнего Побужья (с Бейкуша, Черноморки-II и Березани), представлены очень кратко – А, АХ, АХΙ [Русяева, 1971; Отрешко, 1977²²]. Кроме того, не приходится ожидать предельной четкости надписей, они нередко весьма небрежно процарапаны, как, кстати, и граффити, приведенные из ГАХ С. Ю. Сапрыкиным и С. Ю. Внуковым.

Относительно же Херсонеса Э. И. Соломоник подчеркивает: «Граффити на чернолаковых сосудах – ΑΧΙΛΛΕ, ΑΧΙ (VI–V и II вв. до н. э.) и группа монограмм ΑΧ (IV–III вв. до н. э.) из Херсонеса вызывают особый интерес» [Соломоник, 1976, с. 135], поскольку они «неожиданно открыли новый пункт культа Ахилла в конце V–II вв. до н. э.» [Соломоник, отв. ред., 1978, с. 9]. Заметим, что «неожиданным» этот факт можно считать только в случае рассмотрения культа Ахилла изолированно и только как героя, без учета многовековых предшествующих событий в Северном Причерноморье, в т. ч. древнейших местных культов. На наш взгляд, появление синкретического культа Ахилла в Западном Крыму вполне закономерно, если учитывать его прообраз – культ Ἀχι-Змея (Верховного бога и Первопредка) ранних индоевро-

²¹ Такая трактовка характерна для С. Ю. Сапрыкина в отношении граффити типа ΑΧ и ΑΧΙ, что подтверждается, например, следующим его утверждением: «Посвящение Ахиллу в виде монограммы маловероятно» [Сапрыкин, Попова, 2019, с. 330]. Такой подход мы считаем тенденциозным, поскольку такие же граффити на Бейкуше и прилежащих памятниках были безоговорочно отнесены к культу Ахилла [Русяева, 1971; Отрешко, 1977; Буйских, 2002].

²² Данные по Березани, где такие граффити найдены в слоях конца VII–VI вв. до н. э. и составляют до половины всех найденных на городище граффити, любезно предоставлены нам В. В. Крутиловым, руководителем Березанской археологической экспедиции Института археологии Национальной академии наук Украины в 2004 – 2019 гг., безвременно покинувшим этот мир.

пейцев Северного Причерноморья, который вполне закономерно оставался и у реликтовых ариев данного региона, в т. ч. тавров (см. выше). Восемьдесят граффити из Херсонеса представлены только одиночной буквой А [Соломоник, отв. ред., 1978, с.15]. В связи с этим очень важно учитывать утверждение Э. И.Соломоника в связи с граффити, найденными на Бейкушском святилище Ахилла: «На многих из них одна буква А, которую с уверенностью можно рассматривать здесь как символ культа Ахилла» [Соломоник, 1976, с. 132]. При этом на Бейкуше граффити с одной буквой А составляют около 20% всех посвящений Ахиллу [Русяева, 1971]. Граффити из Херсонеса, кроме имеющих только одну букву А, представляют собой в основном АХ (10 экз.), кроме этого, дважды имеет место надпись АХΙ и один экземпляр – надпись АΧΙΛΛΕ.

Если суммировать их все с восьмидесятью четырьмя граффити, представленными только одиночной буквой А, то общее количество граффити античного Херсонеса с возможным посвящением Ахиллу оказывается почти в полтора раза больше найденных при раскопках святилища Ахилла на Бейкуше, где их обнаружено, по разным данным, несколько больше семидесяти. Наиболее древние из всех найденных в Херсонесе граффити с возможным посвящением Ахиллу – это две надписи, представленные одиночной буквой А на обломках сосудов, датированных серединой V в. до н. э. и концом V – началом IV в. до н. э., а также надпись АΧΙΛΛΕ, которая после уточнения датирована концом V в. до н. э. [Соломоник, отв. ред., 1978, с. 15, 38]. Одно граффито АΧΙ датируется второй четвертью IV в. до н. э., другое подобное не имеет датировки. Большинство граффити АХ датируется от середины до второй половины IV в. до н. э., одно – IV–III вв. до н. э., два – III в. до н. э., одно – III–II вв. до н. э. [Соломоник, отв. ред., 1978, с. 15, 38, 82, 135–136, 138]. Датировка граффити, представленных одиночной буквой А, разнообразна: 47 таких надписей отнесены к IV в. до н. э., одиннадцать – к IV–III вв. до н. э., пятнадцать – к III в. до н. э. и только четыре – ко II в. до н. э. [Соломоник, отв. ред., 1978, с. 15].

На ближней хоре Херсонеса граффити данного времени, которые могли быть отнесены к культу Ахилла, в доступной нам литературе не опубликованы. На поселении Чайка (в поселке Заозерном, в нескольких километрах к западу от Евпатории) найдены граффити АХ: на стенке чернолакового блюда и на фрагменте синопской черепицы; оба граффити датированы III–II вв. до н.э., в отношении первого из них авторы категоричны: «Посвящение Ахиллу в виде монограммы маловероятно», а второе даже не обсуждается в данном контексте [Сапрыкин, Попова, 2019, с. 330, табл. 3, 1604; 5, 891], что мы считаем тенденциозным. В позднескифском помещении 12 в здании III в. до н. э. на городище Чайка найден фрагмент курильницы с резным орнаментом, заполненным белой пастой, имеются сквозные отверстия, обведенные белой краской. Ниже нанесены волнообразные линии. На том же фрагменте рядом с отверстием изображена «ёлочка» «ветвями» вверх [Попова, 2019, с. 208, рис. 1, 3]. Ранее на этом же городище в слое IV–III вв. до н. э. были найдены фрагменты ещё одной курильницы, на одном из которых имеется орнамент «в виде волнистой

линии» из круглых ямок [Гаврилюк, 2016. С. 228, рис. 18, 3]. Волнистые линии чаще всего, как известно, символизируют змей, а перевернутое дерево – потусторонний мир, что соответствует представлениям о хтоничности Ахилла; подобные граффити встречались, например, в его святилище на Бейкуше. В могильнике Фонтаны (в 5 км к юго-западу от Симферополя) в различных погребениях первого и третьего ярусов катакомбы № 5²³ были обнаружены одно бронзовое кольцо с одним расклепанным и закругленным концом, два бронзовых кольца с двумя такими концами, а также бронзовый браслет с обоими расклепанными концами [Храпунов, Мульд, 2004, с. 244, 246, рис. 4, 8, 10; 6, 17, 18], которые можно трактовать как стилизованные змеиные головки. При раскопках Керкинитиды обнаружены три граффити, которые можно трактовать как АХ: на фрагменте дна чашки (III в. до н. э.), на внешней стороне фрагмента рыбного блюда (IV–III вв. до н. э.), найденные при раскопках на территории современного санатория Министерства обороны, и на фрагменте горла амфоры, который не датирован, поскольку обнаружен в беспаспортном довоенном материале Евпаторийского музея [Соломоник, 1984. С. 49, 53].

Однако в Керкинитиде, на наш взгляд, есть еще одно весомое свидетельство наличия здесь культа Ахилла еще раньше – в V в. до н. э. Это так называемые монеты-стрелки, критический анализ большого круга работ о которых, вопреки распространенному и сегодня мнению об их греческом происхождении и принадлежности культу Аполлона Врача, в т.ч. в Керкинитиде [Кутайсов, 2004, с. 85; Сапрыкин, 2005, с. 17], показал следующее. Монеты-стрелки произошли на территории исторической Фракии (современные Болгария и Румыния), а затем благодаря фракийскому присутствию в греческих колониях появились и здесь. Все находки монет-стрелок в Нижнем Побужье локализуются на весьма ограниченной территории – в Очаковском районе Николаевской области Украины, на порядок меньшей по сравнению с огромной площадью распространения находок монет-стрелок на территории современных Болгарии и Румынии. Более того, здесь монеты-стрелки найдены не только на территории греческих колоний, но и в нескольких пунктах, отстоящих от них в глубину материка на десятки, а порой и более сотни километров, в то время как в Нижнем Побужье – только непосредственно на территории греческих поселений, расположенных на побережье. По числу мест находок и количеству найденных монет-стрелок Фракия (где обнаружены несколько кладов в тысячи экземпляров) значительно превосходит Нижнее Побужье. С большой долей вероятности монеты-стрелки изготавливались в греческих колониях заезжими мастерами-литейщиками из Фракии (мнение об их принадлежности Скифии ничего не меняет, поскольку Северная Добруджа, где найдено наибольшее количество монет-стрелок, расположена в исторической Фракии и была в древности Малой Скифией). Нами показано, что возможен вариант прочтения единственного свидетельства о якобы обращении монет-стрелок в гре-

²³ Исходя из скудного датирующего материала, катакомбу № 5 могильника Фонтаны можно отнести к любому отрезку времени в пределах IV–II вв. до н. э. [Храпунов, Мульд, 2004, с. 246].

ческой среде – обценного граффито из Ольвии, который вообще исключает упоминание монет-стрелок в этой надписи. Древние сведения о целебном действии стрел Аполлона отсутствуют, вместе с тем имеется масса свидетельств их губительности, в т. ч. что они приносили чуму. Наконец, есть много доводов в пользу того, что «монеты-стрелки» на самом деле (типологически) представляют собой «монеты-копья» [Лазаренко, 2020; 2021; 2021a].

Тесная связь Ахилла с образом копья очевидна. В чём же природа этой более чем акцентированной связи? Чтобы понять это, следует подробнее остановиться на копье из ясеня, подарке Хирона отцу Ахилла Пелею, который потом передал его сыну. Напомню, что говорит об этом копье Гомер в двух эпизодах «Илиады». Первый из этих фрагментов (XVI, 140-144) гласит, что Патрокл, забирая тайком доспехи Ахилла, «...не взял копья одного Ахиллеса героя; тяжёл был / Крепкий, огромный сей ясень; его никто из ахейян / Двигать не мог, и один Ахиллес легко потрясал им, / Ясенем сим пелионским, который отцу его Хирон / Ссек с высоты Пелиона». В другом фрагменте «Илиады» (XIX, 387-391) уже Ахилл «...взял, наконец, из ковчега копьё он отцовское – ясень, / Крепкий, огромный, тяжёлый: его из героев ахейских / Двигать не мог ни один; но легко Ахиллес потрясал им, / Ясенем сим пелионским, который отцу его Хирон / Ссек с высоты Пелиона». Обращает на себя внимание то, что оба текста из разных песен «Илиады» почти идентичны, напоминая собой своеобразную, повторяющуюся «мантру». Это может быть свидетельством чрезвычайной важности образа данного копья, доносимого до слушателей с помощью «магии слов». Причина этого, очевидно, вот в чём. Как отмечает А. Голан, во II тыс. до н. э. ещё сохранялось представление о семантической связи змея и копья/стрелы, а также связи копья с богом земли (ассоциированного, напомню, со Змеем), возникшее в более давние времена [Голан, 1993, с. 192]. Лингвистами зафиксировано соседство греческого и арийского языков в Северном Причерноморье ко II тыс. до н. э., когда заканчивался распад индоевропейской общности [Порциг, 2003, с. 234]. Всё это говорит о наличии семантического ряда «змей – Мировое дерево – копьё». В.Н.Топоров, блестяще показавший догреческое происхождение образа Ахилла и его «змеиные» истоки, указал, что «многие его черты могут быть реконструированы как глубокие архаизмы, остатки космогонического “пред-Ахилла”, подчеркнув его роль как “посредника между Небом и Землёй”» [Топоров, 1990, с. 91, прим. 44]. Последнее имеет четкую параллель со Змеем как аналогом Мирового дерева – оси и центра мироустройства. Согласно древнейшему поверью, ярче всего отразившемуся у Гесиода (Op. 145) и комментариях Евстафия (1262), третье – медное поколение людей произошло от ясеневых деревьев. Порой таким мыслилось даже происхождение всех людей. В скандинавских мифах ясень предстаёт в виде Мирового дерева. Всем этим обосновано мнение, что миф о происхождении людей от ясеня восходит к индоевропейской эпохе [Кагаров, 2012, с. 117]. И если помнить, что медный век – энеолит дал эпические миграции, освоение огромных территорий и начало формирования индоевропейской общности, то образ копья из ясеня приобретает огромное символиче-

ское значение. Это не только чудодейственное оружие, но и аналог Мирового дерева, а значит знак огромной власти. Поэтому понятно, почему древние обращались к копью, по свидетельству Вергилия (Аен. X, 773–774) таким образом: «Вы, о боги мои, копьё и рука! Помогите/ В этом бою!». Обожествляемое копьё, естественно, служило оберегом, который клали в могилы детей, подростков, погибших в сражениях или умерших при странных обстоятельствах [Папанова, 2002, с. 282–283]. Совершенно недостаточно объяснение символизма копья, представленное В. И. Шубиным, смысл которого в том, что копьё у Гомера является символом царской власти, сменившим скипетр [Шубин, 2001]. Это, конечно, так (разве что скипетр вряд ли древнее копьё), но пригодно для царского копья вообще и явно не отражает глубинной природы копья именно Ахилла, с которым никто не мог справиться, кроме него самого. И объяснение, видимо, одно – в образе копья из ясеня, принадлежащего Ахиллу (чей образ сам по себе многозначен), кроется сокровенное мировоззрение ранних индоевропейцев.

Напомним также, что предпочтение змее/змею как образу мужского божества земных недр могло быть основано на том, что змея/змей казался наглядным воплощением оплодотворяющих сил, поскольку напоминает мужской детородный орган [Голан, 1993, с. 79]. Змей и фалл взаимно ассоциировались; соответствующим образом и копьё приобретало характер фаллического символа, что отражено в мифологии и обрядности многих народов [Голан, 1993, с. 132]. Знаменательно, что наименование одного из самых воинственных племён «дорийцы» приводит к рассмотрению историко-лексического ряда: дерево δένδρον, δρῦς, δόρυ – (деревянное) копьё δόρυ – (люди с копьём) дорийцы Δωριεῖς; при этом связь коренного слова δόρυс с производным этниконом Δωριεῖς общепризнана [Фролов, 2012, с.57–58]. Напомним, по В. Н. Топорову, «Змея (или змей) может выступать как вариант Мирового дерева» [Топоров, 2010, с. 66]. Из всего этого следует семантический ряд «змей – копьё – дорийцы», что важно в контексте нашего исследования. Таким образом, копьё из ясеня глубоко символично и значительно усиливает значимость Ахилла, подчеркивая его место в системе древнейших представлений о Верховном боге и Мировом дереве, то есть о мироустройстве. Определенную роль в утверждении образа Ахилла в связи с копьём в Западном Крыму могло сыграть и фракийское влияние, неоднократно показанное здесь (см. выше). Дело в том, что образ Верховного бога фракийцев – Фракийского всадника, во многом схожий с образом Ахилла, был неотъемлемо связан с копьём [Топоров, 1972, с.33–34]. На основании всего этого мы предположили, что «монеты-стрелки», а точнее – «монеты-копья» во Фракии принадлежали культу Фракийского всадника, а в Нижнем Побужье принадлежали культу Ахилла. Поэтому и «монеты-стрелки» Керкинитиды, как типа I, так и типа II, который уникален – ему невозможно найти прообраз среди реальных скифских стрел (в отличие от типаI), тоже могли принадлежать культу Ахилла. В пользу же наличия в Керкинитиде культа Аполлона Врача нет ни литературных, ни археологических данных; здесь, на-

пример, даже нет ни единого граффито типа ИНТРОС (Врач), что, как правило, приписывается Аполлону Врачу, хотя это весьма спорно²⁴.

В конце первой трети III в. до н. э. прокатился разгром сельскохозяйственных греческих поселений во всем Северо-Западном Крыму. Например, в 70–60-х гг. III в. до н. э. чайкинские усадьбы гибнут в пожаре, как и другие памятники Северо-Западного Крыма. Материалы как чайкинских усадеб, так и других памятников региона однозначно свидетельствуют о военном конфликте, как причине этого разгрома, и позволяют связывать его с активным проникновением в Крым теснимых сарматами скифских племен. После скифского разгрома, примерно с середины III в. до н. э. и вплоть до середины II в. до н. э., жизнь на некоторых из этих поселений продолжалась, но в масштабах, не сопоставимых с более ранним временем расцвета Херсонесского полиса [Попова, 2009, с. 107–108]. Материалы чайкинского городища красноречиво свидетельствуют о том, что греческое поселение просуществовало здесь до четвертой четверти II в. до н. э., т. е. в третьей четверти жизнь тут еще не прекратилась, как и в Керкинитиде. Окончание жизни на греческом поселении чайкинского городища произошло, по-видимому, по причине ухода населения сначала, возможно, в Керкинитиду, а затем, как предполагает В. А. Кутайсов, в Херсонес [Попова, 2009, с. 107–108; Кутайсов, 1990, с. 146]. Трагические события III в. до н. э. коснулись не только сельскохозяйственной херсонесской хоры. Набеги скифов вынудили греков усилить уже существующие укрепления Калос Лимен и возвести новую линию обороны, но уже во II в. до н. э. город переходит в руки скифов. Вскоре он, наряду с Керкинитидой, стал важнейшим морским портом позднескифского государства. Хотя существуют нерешенные вопросы, связанные с историей позднескифских поселений в Северо-Западном Крыму, очень примечателен уже сам по себе факт одновременного появления совершенно аналогичных по материальной культуре памятников – поселений так называемых поздних скифов – на местах прежних греческих пунктов. Что касается времени этих событий, то, например, исследования на некрополе у поселка Заозерное не позволяют датировать приход поздних скифов на место бывшего греческого поселения ранее последней четверти II в. до н. э., так как их самые ранние захоронения относятся к I в. до н. э. При этом нерешенной остается проблема генезиса оседлой позднескифской культуры, поскольку нет прототипов этой культуры ни в Северо-Западном, ни в Центральном Крыму, где позднескифские памятники известны не ранее чем со II в. до н. э. Главный вопрос — откуда взялось население, многочисленные укрепленные поселения которого появились в Северо-Западном Крыму после ухода с этих мест греков? Ведь в Крыму мы знаем только один очаг прочной оседлости скифского населения – это Восточный Крым, то есть Европейский Боспор [Попова, 2009, с. 117, 119–120].

Несмотря на возрождение жизни на ближней и дальней херсонесской хоре после

²⁴ Данная проблема рассматривается в другом нашем исследовании, которое сейчас готовится к печати.

разгрома в конце первой четверти III в. до н. э., археологические артефакты второй половины III–II вв. до н. э. не позволяют признать этот период стабилизационным в полной мере. Раскопки памятников в Северо-Западном Крыму дают все больше подтверждений угасанию здесь жизненной активности греческого населения [Попова, 2009, с. 113]. Этот период В. А. Кутайсов справедливо назвал «агонией» Херсонесского государства [Кутайсов, 1990, с. 159]. Но культ змей, как и культ Ахилла в Западном Крыму, поддерживался. Находка на Южно-Донузлавском городище, возле села Поповка Сакского района, описана так: «На маленьком фрагменте амфоры небрежно прочерчено АХ», это граффито датировано III в. до н. э. [Соломоник, 1984, с. 86 № 341]. В самом раннем (III в. до н. э. – I в. н. э.) среди позднескифских могильников Крыма в грунтовом могильнике на косе Беляус [Высотская, 1987, с. 43] на западном берегу Крыма, между Калос Лимен и Керкинитидой (у с. Знаменское в Черноморском районе), могиле 12 найден трехвитковый бронзовый браслет со стилизованными змеиными головками на обоих концах [Дашевская, 1991, табл. 71, 14], а также браслет с орнаментацией, похожей на условное обозначение тела змеи (ромбы с многими точками внутри них), – в склепе 114 (катакомба II–I вв. до н. э.) [Пуздровский, 2007, рис. 12, II-6]. В кургане эпохи бронзы близ городища Кермен-Кыр (у поселка Мирное близ Симферополя, в 5,5 км к северо-западу от Неаполя Скифского) с пятью впускными позднескифскими склепами с групповыми (от 4 до 6 человек) погребениями (II–I вв. до н. э.) в одном из склепов найдена гривна с распланным концом, весьма напоминающим головку змеи [Пуздровский, 2007, рис. 50, I]. Учитывая находки змеевидных браслетов и гривны, совершенно не удивительно, что генетически погребальные камеры Беляуса и Кермен-Кыра связаны с катакомбами Приднепровья, типологическую линию развития которых они продолжают [Высотская, 1987, с. 46]. При раскопках помещения I вв. до н. э. греко-скифского городища (конец II – начало I в. до н. э.) на западной окраине г. Саки в Северо-Западном Крыму найден бронзовый браслет с концами, оформленными в виде стилизованных змеиных головок [Внуков, 2007, с. 54, 57].

На греко-скифском городище Кара-Тобе (IV в. до н. э. – начало II в. н. э.) – стратегическом пункте, контролирующем дорогу от Херсонеса к Керкинитиде и расположенном близ села Прибрежное Сакского района, на невысоком холме между озерами Сакское и Сасык в помещении 712 найдены четыре фрагмента чернолакового кубка (конца II – начала I в. до н. э.), на которых сохранились остатки греческих букв. При состыковке этих фрагментов выявлено граффито, нанесенное между ручками на шейке чернолакового кубка. Сохранившаяся надпись выглядит следующим образом: Ἀχιλλ[ι] λέω[ς] καὶ [...]. Перевод: «*кубок Ахилла и (...)*» или «*священный дар Ахилла и (...)*». Авторы публикации данного граффито совершенно правы, полагая: «Можно было бы предположить, что Ἀχιλλεύς в этой надписи – личное имя владельца сосуда²⁵, достаточно широко засвидетельствованное в Причерноморье, в частности, в Пантикапее,

²⁵ Мы не согласны здесь с формулировкой «совершенно правы». См. выше примечание 21.

Ольвии, Истрии, Томах, а также во Фракии и Македонии. Однако этому противоречит соединительный союз καὶ [...], который подразумевает, что кубок принадлежал не только Ахиллу, но и какому-то другому человеку. Граффити на внешней стороне тулова сосудов, особенно нанесенные большими буквами под венчиком, как правило, являлись посвятельными либо сакральными, говорившими о том, что сосуд принадлежал богу, точнее его храму или святилищу, как общественному, так и домашнему. Поэтому можно с большой долей вероятности полагать, что данное граффито сакральное, и в нем упоминался герой–бог Ахилл и еще какое-то божество, связанное с ним в религиозно-мифологическом плане» [Сапрыкин, Внуков, 2015, с. 112–114, рис. 5].

Рассуждая о том, что же это могло быть за божество, исследователи напомнили, что в устье Тилигульского лимана в окрестностях Ольвии была найдена мраморная плита с посвящением Ахиллу Понтарху и его матери Фетиде (IOSPE I². 142, II в. н. э.). Это могло свидетельствовать, что Фетида почиталась ольвиополитами в одном культе с сыном, причем не тогда, когда Ахилл стал верховным божеством Ольвии (в ипостаси Понтарха – В.Л.), но их совместный культ мог сложиться еще в доримскую эпоху. В итоге С. Ю. Сапрыкин и С. Ю. Внуков заключили: «В этой связи не исключено, что в граффито из Кара-Тобе могла быть упомянута именно мать Ахилла – богиня Фетида, которую почитали вместе с сыном-героем. Однако это только правдоподобное предположение, так как любое дополнение этой надписи будет исключительно умозрительным» [Сапрыкин, Внуков, 2015, с. 115]. С последней фразой нельзя не согласиться, хотя есть определенные основания полагать верным мнение авторов о Фетиде²⁶. У нее древнейшая, доолимпийская генеалогия: Нерей, отец Фетиды – старший сын Понта и Геи, как указывают Гесиод (Theog. 234–235) и Гомер (II. I, 358). Фетида, таким образом, принадлежит к старшему поколению богов. О могуществе и значении Фетиды говорят сохранившиеся в «Илиаде» воспоминания о ее помощи Гефесту, сброшенному Герой с неба (XVIII, 396–399), Дионису, бросившемуся в море для спасения от убийц (VI, 136), и даже Зевсу, когда олимпийские боги, желая свергнуть его, сковали цепями (I, 397–406). Кроме того, Зевс и Посейдон «спорили о ложе Фетиды: / Каждый желая ее, прекраснейшую в супругах, каждый покорствуя в любви» (Pind. Isthm. 8, 26–29), т. е. хотели заключить брак с Фетидой, что свидетельствует о ее практически равном положении с ними (с Верховным богом и его братом!). О том, что образ Фетиды восходит к Великой богине доисторического мира, свидетельствует фрагмент утраченной трагедии Софокла «Поклонники Ахилла» (fr. 154), где она демонстрирует власть над животными и стихиями, в ко-

²⁶ В связи с этим отметим, что при раскопках Кара-Тобе также найдена ручка красноглиняного сосуда с граффито, изображающим отнюдь не сарматскую тамгу, как полагал автор этой находки П. Н. Шульц, но перевернутое дерево [Соломоник, 1984, с. 44, табл. VII, 113], что, как, известно, символизировало загробный мир и вполне соответствует хтонической сущности как Ахилла, так и Фетиды; подобные граффити встречались, например, на Бейкуше.

торые превращалась, сопротивляясь Пелею: «И львом, и змеем, и огнем, и влагой / Она в моих объятиях обращалась» (пер. Ф. Ф. Зелинского). Она может даже обеспечить бессмертие Пелею (Eurip. Andr., 1254–1258). Поэтому вполне обосновано мнение И.Ю. Шауба, что Фетида в Северном Причерноморье выступает как ипостась Великой богини [Шауб, 2012, с. 7–9]. Только «культурная революция», начатая еще Гомером с целью утверждения олимпийского пантеона, постепенно сделала образ Фетиды второстепенным. Но в Северном Причерноморье, где, вполне вероятно, в среде реликтовых ариев следы ранней индоевропейской мифологии были более устойчивы, значение Фетиды помнили и чттили ее как ипостась Великой богини.

Кстати, определенный интерес, в контексте связи Великой богини и Ахилла, представляет собой находка при раскопках в Керкинитиде фрагмента краснофигурного кратера (IV в. до н. э.) с изображением сцены схватки Ахилла и Пентесилеи [Кутайсов, 1992, с. 128]. Предания гласят, что Пентесилея во главе амазонок сражалась на стороне троянцев, убила много греков, но была поражена в схватке с Ахиллом. Подробно и красочно описывает эти события Квинт Смирнский в поэме «После Гомера» (I, 311–665). Но главное – Ахилл влюбился в уже мертвую Пентесилею. Тот же Квинт Смирнский (I, 671–674) пишет: «Сам же Ахилл беспрестанно в поникшей душе сокрушался, / Ибо обрек на погибель, не ввел как жену дорогую / в конелюбимую Фтию он ту, что и видом, и статью / лучшей была среди всех и богиням бессмертным подобна» (пер. А. П. Большакова). У Нонна Панополитанского (XXXV, 26–28) видим: «Воин влюбился в деву павшую... Древле ведь было / Так и с Ахиллом, что после гибели Пентесилеи / К хладным устам прижимался, горько плача над мертвой» (пер. Ю. А. Голубца). Всё это имеет важное значение в контексте нашего исследования, поскольку, например, Квинт Смирнский (I, 662–664) приводит прямое сравнение Пентесилеи с Артемидой: «...ибо блаженным богам была павшая дева подобна / Вместе с оружием лежала она на земле, словно Зевса / неукротимая дочь, Артемида, что лежит, отдыхая» (пер. А. П. Большакова). Напомним, что посмертной супругой Ахилла на острове Левка античные источники чаще всего называют Елену или Ифигению. Но Ифигения – это эпитет Артемиды (Paus. II, 35, 2), кроме того, по воле Артемиды Ифигения стала Гекатой (Paus. I, 43, 1). Сущность Поликсены – та же. Все эти персонажи представляют собой ипостась Великой богини в ее загробном аспекте [Шауб, 2007, с. 189]. Ахилл же предстает паредром Великой богини, независимо, как ее называют: Артемида ли, Ифигения или Поликсена. О том же, что главной богиней античного Херсонеса была Дева или Артемида Партенос, общеизвестно. Так что вслед за именем Ахилла в граффито из Кара-Тобе вполне могла бы быть упомянутой Дева (Партенос). Напомним попутно, что образ Великой богини тесно связан со змеями.

Скорее всего, подобные допущения, хотя и в определенной степени обоснованные, высказывались бы еще долго, и что это за божество могло быть упомянуто вслед за именем Ахилла в граффито из Кара-Тобе, рассмотренном выше, еще долго оставалось бы загадкой, если бы не публикация ряда граффити, найденных при охранных

обследованиях А. Н. Щеглова в урочище Джангуль на полуострове Тарханкут. Здесь было обнаружено святилище божества, само имя которого ранее не встречалось в источниках. Оно сохранилось в нескольких граффити II в. до н. э. на тонкостенных сосудах и амфорах. Часть граффити была найдена еще раньше А. Б. Колесниковым и М. И. Горбатовской и передана ими А. Н. Щеглову. По его данным, «комплекс (святилища) однороден и относится целиком ко II в. до н. э.». Что касается посвященных граффити на керамике, то это были посвящения богине Таргос или Таргас, как первоначально А. Н. Щеглов определил ее имя [Щеглов, 1986, с. 334; 1988]. С.Р.Тохтасьев заключил, что имя этого божества (Тарга или Тарка) употреблялось и в грецизированной форме Ταρῳά, которая возникла из Ταρῡα, а рассуждая о его происхождении, пришел к выводу: «Само *Tarkā/*Targā, насколько я могу судить, не поддается объяснению на почве иранских языков»²⁷. Исследователю принадлежит также издание самого интересного из граффити святилища в урочище Джангуль, которое он представил следующим образом:

1. Διᾱ?[- - - |- - -]N Ἀχ<ι>λλεῖ Σφ[τῆρι (καὶ)] | Ταρκη Σφτ[εῖραι] | [ἀνέθη]κεν (?)⁷

2. Σῶπρ[λις] | ὑπερ [τ. δεῖνος] |...ταρυ[αι]

3. [- - -] τᾱι Τарγα[ι - - -]

4. Τарγο <ῖ>, σοῖ, Αρε.[- - - ἀνέθηκεν (?)]. Перевод данного граффито при публикации не был приведен [Тохтасьев, 2013, с. 194–195]²⁸. Но это граффито на плече родосской амфоры бесспорно представляет собой совместное посвящение Ахиллу Сотеру (Спасителю) и Тарге Сотере (Спасительнице)²⁹.

Вскоре после этого детальный анализ этого граффити из святилища в урочище Джангуль³⁰ предпринял С. Ю. Сапрыкин, полностью сохранив конъюнктуру С.Р.Тохтасьева. Он констатировал: «Керамический материал показывает, что святилище переживало расцвет во второй – третьей четвертях II в. до н. э. и прекратило свое существование вскоре после присоединения западного побережья Таврики к Скифскому царству... Как показывают граффити, эллины делали посвящения богине, которую они именовали Τарῡα, Ταρῡη, Τарῡκη. Имя этого божества негрече-

²⁷ Мы полагаем, с известной долей вероятности, что имя Тарга можно вывести из индоарийских реликтов *tara- ‘берег’ и *tarika- ‘береговой, прибрежный’ [Трубачев, Шапошников, 1999, с. 282–283]. Таким образом, «Тарга» может означать «Прибрежная», что соответствует расположению ее святилища поблизости от морского берега.

²⁸ Примечательно, что А. В. Белоусов, включив обсуждаемое граффито в свой обзор опубликованных в 2013 году надписей [Белоусов, 2014], совершенно не комментирует относительно Ахилла это впервые опубликованное в рассматриваемой им работе С. Р. Тохтасьева, без преувеличения сенсационное граффито с одновременным упоминанием Ахилла и Тарки, хотя сам является автором нескольких обстоятельных работ по культу Ахилла.

²⁹ Здесь можно видеть определенную аналогию с совместным почитанием Ахилла и Гекаты, также ипостась Великой богини, зафиксированным в Нижнем Побужье.

³⁰ Большая часть граффити из комплекса данного святилища за редким исключением дошла во фрагментах. Из 27 найденных здесь граффити 19 содержат имя Тарга и, как правило, имя дедиканта [Сапрыкин, 2014, с. 10–22].

ское» [Сапрыкин, 2014, с. 9–10, 22]. Мы поддерживаем суждения С. Ю. Сапрыкина в следующей части (кроме ее последней фразы): «Нет сомнения, что в основе почитания местной богини Тарги – Тарки лежал культ Верховной женской богини производительных сил природы и всего сущего, богини, покровительствовавшей всему живому и душам умерших³¹... Поскольку в иранских языках не удалось найти параллели этимологии имени этой богини³², есть большая вероятность, что ее культ восходит к пласту доскифских религиозных представлений. Близость характера расположения Джангульского святилища местоположению известных таврских горных святилищ в окрестностях Ялты заставляет связывать богиню с исконным таврским населением Крыма. В этом, как представляется, скрывается причина популярности Тарги среди херсонеситов, которые могли воспринимать ее в отдельных ипостасях так, как они привыкли делать это по отношению к своей верховной богине Деве, Артемиде или Афродите. Нескифское происхождение культа богини Тарги косвенно подтверждается тем, что ее святилище перестало функционировать после присоединения Западной Таврики к Позднескифскому царству, что произошло около середины – начала третьей четверти II в. до н. э. Конечно, можно допустить, что святилище обрушилось в результате землетрясения еще до прихода скифов. Однако то, что оно не было восстановлено, показывает нежелание скифов возрождать культ некогда популярной владычицы морских путей и окрестных берегов» [Сапрыкин, 2014, с. 23].

Мы не можем согласиться с крайне ограниченным функционально определением «популярная владычица морских путей и окрестных берегов» в отношении Тарги, поскольку этого слишком мало для богини, которую считают ипостасью Великой богини, в т. ч. сам С. Ю. Сапрыкин: «Верховной женской богини производительных сил природы и всего сущего, богини, покровительствовавшей всему живому и душам умерших». Вполне возможно, что «Тарга воспринималась греками как божество, наделенное апотропеическими и сатирическими функциями» (что естественно

³¹ Надеемся, что выделенное нами курсивом в следующем высказывании С. Ю. Сапрыкина: «Эллины сближали Таргу со своими собственными божествами – охранителями и спасителями, поэтому они сделали ее *мужским* паредром одного из своих богов или обожествленных героев, в частности Ахилла, владыки Понта» [Сапрыкин, 2014, с. 19], является просто опечаткой. Конечно же, это Ахилл являлся мужским паредром Великой богини в различных ее ипостасях (см. выше).

³² В последние годы работами А. К. Шапошников и В. П. Яйленко показано, что иранские лексемы в Северном Причерноморье крайне редки, имея при этом позднее происхождение, а многие скифские реликты имеют индоарийское происхождение [Шапошников, 2005; Яйленко, 2016]. В то же время языковые реликты фракийского облика и другие манифестации базовых знаковых систем фракийского происхождения оставлены скифами [Шапошников, 2012, с. 303]. Примечательно, что Стефан Византийский (s. v. Σκύθαι) называет скифов фракийским племенем, а Страбон (VII, 3, 2) высказал мнение об общем происхождении скифских и фракийских племен со ссылкой на Гомера. Аполлоний Родосский (Arg. IV, 316) пишет: «...скифы – они полукровки фракийцам». Всё это делает необходимым учитывать фракийский фактор и реликты языка и верований ранних индоевропейцев при рассуждениях как о скифах, так и о происхождении в рассматриваемый нами период какого-либо культа в Северном Причерноморье, в т. ч. в Крыму.

для Великой богини), но вызывают сомнения следующие недостаточно обоснованные заключения С. Ю. Сапрыкина: «Греки, которые если и не являлись искренними ее почитателями, были вынуждены приносить ей приношения и делать посвящения, так как рассматривали богиню как спасительницу, прежде всего на море» и «Посвящения ей делали в основном мореходы, которые активно использовали древний морской путь плавания к Херсонесу, пролежавший вдоль побережья Северо-Западной Тавриды, и находившийся, как они полагали, под владычеством Тарги», а также «Эпиклеса Тарги “Спасительница” и воздаяние ей благодарности вместе с Ахиллом Спасителем свидетельствуют, что местная богиня Тарга воспринималась в качестве покровительницы мореплавания, осуществлявшегося вдоль берегов Западной Тавриды» [Сапрыкин, 2014, с. 23]. Оставим в стороне не совсем понятное «вынуждены», но определение «в основном мореходы» просто некорректно, так как ни в одном из граффито святилища в урочище Джангуль нет прямых указаний на мореходов; лишь одно посвящение предположительно сделано «за спасение» непонятно где, и еще одно – опять же лишь предположительно – «в честь памятного возвращения или обратного плавания» [Сапрыкин, 2014, с. 12–14]. Кроме того, среди дедикантов встречаются и женщины (которые явно не мореходы), «что легко объясняется женской сущностью Тарги» [Сапрыкин, 2014, с. 22]. Такой же акцент на функции «спасателя на водах» виден у С. Ю. Сапрыкина и в отношении Ахилла: «Культ Ахилла Сотера... крайне редок для всего Северного Причерноморья... появление Ахилла в ипостаси Сотера связано с тем, что он выступал как спаситель людей на море... Ахилл считался покровителем моряков, которые плавали по Черному морю. Поэтому его почитали как Понтарха – владыку Понта» [Сапрыкин, 2014, с. 22]. Сразу же отметим, что культ Ахилла Понтарха появился заметно позже³³, чем было сделано обсуждаемое совместное посвящение Ахиллу и Тарге. С другой стороны, культ Ахилла Сотера был бы гораздо более распространен, чем это имело место, если бы основной функцией Ахилла было спасение моряков. Кроме того, у бога с эпиклезой Сотер, как известно, широкие охранительные функции (буквально «от всех бед и несчастий»), в т. ч. весьма важная – медицинская.

Подчеркнем, что Ахилл упомянут в обсуждаемой надписи первым, что показывает его культовое главенство, хотя это святилище в урочище Джангуль считается не Ахилловым (то есть он здесь персонально не почитался), а святилищем Тарги. Но последнее достаточно спорно – Й. Хупе, говоря о двух votivных граффити с именем Ахилла, найденных здесь, полагает, что «почитание Ахилла в этом святилище свидетельствует о религиозном взаимодействии местного населения и греков на территории Херсонеса», а также что именно в данном святилище Тарги «культ Ахилла испытывал сильное воздействие местных факторов» [Hupé, 2006, S. 238]. Форма написания данного граффито, в частности аттическое окончание

³³ Култ Ахилла Понтарха сформировался уже в римское время, причем не ранее конца I в. до н. э., когда Ольвия только начала восстанавливаться после гетского нашествия.

дativa имени Ἀγ<ι>λλεῖ, напоминает граффито-посвящение Ахиллу V в. до н. э. с Березани [Яйленко, 1980, с. 86]. Кстати, круглые керамические вотивы [Сапрыкин, 2014, с. 23, рис. 31] или «глиняные вотивные хлебцы» [Щеглов, 1986], найденные на «святилище Тарги», очень напоминают «кружки» из святилища Ахилла на Бейкуше [Русяева, 1971]. При этом С. Ю. Сапрыкин считает: «На функцию богини как покровителя возрождающейся и умирающей природы указывают модели хлебцев, округлые по форме и напоминающие солнечный круг». Но следует учитывать, что глиняные «хлебцы» – «лепешки» обнаружены в Западном Крыму при исследовании поселений поздней бронзы Кировское, Бурун-Эли и Дружное-2 [Колотухин, 2003, с. 47, рис. 66, 1; Тощев, 2003, с. 191]. И в скифской среде глиняные «лепешки» или «хлебцы» были хорошо известны: большое количество их найдено на Мотронинском, Бельском, Люботинском, Циркуновском городищах [Пеляшенко, 2016, с. 274]. При исследовании нижних слоев позднескифского зольника II–I вв. до н. э. на некрополе у пос. Заозерное близ Евпатории найдены терракотовый алтарик и глиняные модели зерна и выпеченного хлеба [Попова, Егорова, 2009, с. 276–277]. Авторы совершенно верно интерпретируют алтарик как культовую находку, но, к сожалению, лишь приводят фото, не описывая его. Между тем, на этом фото в средней части тулова алтарика отчетливо виден извитой валик, который можно трактовать как змееподобный (рис. 18). В связи с этим важна находка на соседнем городище Чайка круглого глиняного предмета с рисунком перевернутого дерева, что, как известно, символизировало загробный мир. Напомним также, что на поселении Дружное-2 обнаружен ряд артефактов, свидетельствующих о наличии там культа змей (см. выше).

Эти «хлебцы» – «лепешки», особенно в сочетании со следами культа змей и символами загробного мира, могли быть тогда подношением Ἀχι-Змею – Первопредку и олицетворению родившегося в Северном Причерноморье индоевропейского мировоззрения. Напомним, что в своих ранних истоках, как паредр Великой богини, Ахилл был «умирающим и воскресающим божеством» [Шауб, 2007, с. 186]. Поэтому «хлебцы» в «святилище Тарги» вполне могли быть даром Ахиллу, что совершенно очевидно в случае его святилища на Бейкуше. Всё это представляется не случайным, поскольку данное святилище – наиболее близкое к Березани (где обнаружены самые ранние граффити – посвящения Ахиллу) и мысу Бейкуш (где, напомним, найдено много граффити, имеющих отношение к Ахиллу) место в Крыму. Эти обстоятельства в определенной мере показывают преемственность характера поклонения Ахиллу в его самом раннем культовом центре Северного Причерноморья и в Крыму спустя три века после прекращения функционирования святилища на Бейкуше. Приоритет же Ахилла в данном посвящении перед Таргой, хоть и ипостасью Великой богини, но все же местного значения, связан с тем, что Ахилл не просто очередной герой-бог, но в своих истоках, память о которых сохранялась в историческую эпоху, древнейшее Верховное божество и Первопредок. Якобы «внезапное» появление в римское время культа Ахилла

Понтарха – «Владыки Чёрного моря» и бога нельзя объяснить ничем, кроме огромной значимости прообраза Ахилла в Северном Причерноморье в предыдущие времена, от начала формирования индоевропейской общности.

Особое отношение к Ахиллу в Крыму иллюстрируется двумя надписями, найденными в Неаполе Скифском. Одна из них – посвящение Посидея. Издавая этот памятник в IOSPE, I², № 672 по публикациям А. С. Уварова, В. В. Латышев не дал датировку данной надписи (IOSPE, I², № 672) и восстанавливал надпись следующим образом:

Ἀχιλλεῖ νῆσου [μεδέοντι

Ποσίδεος Ποσι[δέου τοὺς

Σαταρχαίους [νικήσας]

πειρατεύσαντ[ας ἀνέθηκεν (?). Перевод: «Ахиллу[владыке] острова [посвятил] Посидей (сын) Посидея, [победив] пиратствующих сатархеев» [Latyshev, 1916, p. 506–507]. Э. И. Соломоник предложила «новый вариант дополнения последней строки, заменив слово τὴν νῆσον словом τὴν ἀκτὴν (берег), совпадающим с ним по количеству букв» (т. е. заменила слово «остров» словом «берег» [Соломоник, 1962, с. 37–39]. Это, видимо, было вызвано тем, что слово «остров» (А. С. Уваров полагал, что здесь «подразумевали, вероятно, Березань или Фидониси»³⁴ [Уваров, 1854, с. 527], не очень подходило к посвящению, найденному в центре современного Крыма. А. С. Уваров, видевший оригинал данной надписи, отмечал, что камень с почитательной надписью Посидея Ахиллу «явным образом доказывает, что служил подножием для изваяния, представляющего божество, в ней упомянутое» и заключил: «Судя по правописанию и форме букв Σ и Ε можно отнести надпись к последнему столетию до Р. Х.» [Уваров, 1854, с. 527]. На основе описания Я.И.Смирнова, видевшего памятник в имении А. С. Уварова «Поречье», В.В.Латышев в IOSPE сообщает, что в верхней части камня сохранился след от правой ступни статуи длиной 16 см. Учитывая это, можно считать, что на данном постаменте стояла бронзовая или мраморная статуя высотой 100–110 см, поскольку, как известно, в длине всего тела стопа укладывается до семи раз. В современной версии IOSPE, сохранившей, в принципе конъюнктуру В. В. Латышева³⁵, указано: «Углубление для стопы статуи длиной 15 см», а надпись датируется серединой – 2-й половиной II века до н. э. [IOSPE III]. Поэтому, опираясь на неточную датировку А. С. Уварова и рассуждая о смысле данной надписи, Э. И. Соломоник вольно или невольно допустила ту же ошибку, что и современные авторы (см. выше), соотнося надпись II в. до н. э. с культом Ахилла Понтарха [Соломоник, 1962, с. 39], который, напомним, появился уже в римское время, не ранее конца I в. до н. э., когда Ольвия только начала восстанавливаться после гетского нашествия.

³⁴ Фидониси – старое название современного острова Змеинового, в древности – Левка.

³⁵ Правда, в IOSPE III дан несколько иной перевод: «Посидеос, (сын) Посидеоса, (посвятил) Ахиллу, [правителю] острова, победившему сатархов, которые занимались пиратством».

В Неаполе Скифском был найден фрагмент еще одной посвятельной надписи (IOSPE, I², № 673). Как и в предыдущей надписи, здесь назван Ахилл, но имя посвятившего утрачено. В. В. Латышев датировал эту надпись II веком н. э. и дополнил текст следующим образом:

1.
2.βα]σλει[....
3. Ἀχιλ]λεῖ καὶ θεοῖς
4. πασι]v. Перевод: «...Ахиллу и всем богам» [Latyshev, 1916, p. 507].

Отметим, что здесь Ахилл занимает приоритетное положение, как и в рассмотренном выше посвящении из «святилища Тарги» в урочище Джангуль на полуострове Тарханкут. Причем там он поставлен перед ипостасью Великой богини, а в рассматриваемой надписи – перед «всеми богами». Такое положение может быть только у Верховного божества, которое почитали с доисторических времен. Поэтому понятно, каким по значимости он был богом для граждан Ольвии, о чем свидетельствует фрагмент «Борисфенитской речи, произнесенной на Родине» Диона Хрисостома (XXXVI. 14): «Ахилл – для нас бог, как ты сам видишь» (пер. М. Е. Грабарь-Пассек). Это подкрепляется и одним из культовых эпитетов Ахилла в Ольвийском полисе – «Вечный отец», содержащимся в надписи, сделанной «не позднее самого начала III в. н. э. [Латышев, 1904, с. 3–5], который не объяснить иначе, как понимание Ахилла чем-то значительно больше просто бога и тем более – героя.

В Западном Крыму имеются свидетельства культа Ахилла и в римское время, но уже в менее заметной мере. На ближней хоре Херсонеса найдены два граффити АХ: на обломке чашки, обнаруженной при раскопках в так наз. «балке Бермана»³⁶ и датированной I в. до н. э., а также на дне небольшой чашечки – при исследовании могильника первых веков н. э. в Инкерманской долине, около бывшего совхоза «Севастопольский» [Соломоник, 1978, с. 32, 38]. На поселении Чайка (в поселке Заозерном, в нескольких км к западу от Евпатории) найдено несколько граффити АХ: на двух фрагментах плеч амфор с датировкой – рубеж нашей эры и I в. до н. э. – I в. н. э., а также небольшой фрагмент стенки амфоры – не позднее I в. до н. э. [Соломоник, 1984, с. 64, 70–71, табл. XXIV, 241; XXIX, 297; XXIX, 298; XXX, 299].

Вместе с тем свидетельства культа змей в это время становятся очень многочисленными. Так, в южной камере катакомбы № 18 могильника Левадки³⁷ (приблизительно в 4 км к юго-западу от могильника Фонтаны) обнаружен бронзовый браслет со стилизованными змеиными головками на обоих концах [Храпунов, Мульд, 2004, с. 251, рис. 13, 44]. В ходе раскопок Тавельских курганов (у сегодняшнего села

³⁶ Балка Бермана – балка в Балаклавском и Гагаринском районах Севастополя в южной части Герасимовского полуострова, в трех километрах на северо-восток от мыса Фиолент. Названа так по имени Г.К. Бермана, владельца хутора, располагавшегося здесь в конце XIX – начале XX в.

³⁷ Могильник Левадки датируется II–I вв. до н. э. – серединой III в. н. э. [Храпунов, Мульд, 2004, с. 242].

Краснолесье Симферопольского района) в 1897 г. среди прочих артефактов в кургане № 2³⁸ найдены два позднескифских браслета с головками змей на одном из концов каждого, показанными не только соответствующей формой, но и различной гравировкой; кроме того, одна из найденных здесь же фибул имеет на щитке гравировку в виде извитой линии [Пуздровский, 2007, рис. 45, 9, 10, 17], что также может трактоваться как изображение змеи. То же относится и к найденным здесь кольцу и браслету с коническими головками [Пуздровский, 2007, рис. 45, 8, 14], показывающим сохранение фракийского влияния и в это время. В другом Тавельском кургане среди найденных бронзовых проволоочных браслетов выделяется браслет конца I в. н. э. с расплюснутыми концами, выполненными в виде стилизованных змеиных голов [Троицкая, 2015, с. 55, 58].

Говоря о поздних скифах в Крыму, О. Д. Дашевская указывает, что со II–I вв. до н.э. появляются бронзовые браслеты с головками животных на концах, а затем вплоть до III в. н.э. становятся характерными круглопроволочные и пластинчатые браслеты с концами в виде змеиных головок³⁹; таким же образом оформлялись иногда и перстни [Дашевская, 1989, с. 136, табл. 55, 26, 27, 35]. Среди инвентаря погребального обряда при раскопках могильника городища Куру-Баш раннего периода позднескифской культуры (II – середина I в. до н.э.), которое находится на холме рядом с селом Виноградное Феодосийской административной зоны, отмечены бронзовые браслеты, концы которых оформлены в виде стилизованных змеиных головок [Гаврилов, Труфанов, 2012, с. 33]. В Битакском могильнике⁴⁰, расположенном в 0,8 км к северо-востоку от Неаполя Скифского, в склепе 106 среди диагностируемых находок, по мнению А. Е. Пуздровского, имеется браслет из круглого дрота с головкой змеи на одном из его концов, а в склепе 170 – несколько подобных браслетов; в склепе 105 найдено навершие с гравировкой в виде зигзага (также отнесенное автором раскопок к диагностируемым находкам) [Пуздровский, 2007, рис. 37, I-3, II-2, 5, 6; рис. 36, I-4], что возможно трактовать как символ змеи. В могильнике (где преобладают погребения II в. н.э.) близ с. Заветное⁴¹ Бахчисарайского района в Крыму обнаружено значительное число украшений и среди них несколько перстней из плоского дрота с концами в виде змеиных головок, а также ряд бронзовых браслетов, большинство из которых – 60% (! – В. Л.) составляют имеющие на обоих концах изображения головок змей [Богданова, 1963, с. 101, рис. 4, 2, 3]. На Заветнинском могильнике также найдены глиняные и алебастровые прясла, некоторые из которых украшены прочер-

³⁸ Материал данного кургана датируется достаточно широко, но браслеты и фибула отнесены к концу I – началу II в. н. э. [Пуздровский, 2007, с. 21].

³⁹ О. Д. Дашевская здесь же упоминает, что браслеты были обычными, их носили мужчины, женщины, дети на руках, реже – на ногах.

⁴⁰ Битакский могильник находится на территории Симферополя, в развалинах бывшей татарской деревни Битак.

⁴¹ Заветнинский могильник относится к I в. до н. э. – III в. н. э. Он был оставлен сельским земледельческим населением долины Альмы [Высотская, 1987, с. 51–52].

ченными рисунками [Богданова, 1963, рис. 6, 10], в том числе весьма похожими, на наш взгляд, на маленьких змеек. Разнообразие типов погребальных сооружений и антропологические материалы могильника свидетельствуют об этнической неоднородности этого района. Здесь есть элементы населения таврского, позднескифского, сарматского [Богданова, 1963, с. 109].

Браслеты, концы которых оформлены в виде змеиных головок, очень широко представлены в погребениях, относящихся к позднескифской археологической культуре Крыма. Это видно на примере могильника крымского Неаполя Скифского⁴², столице позднескифского государства, в том числе в большом коллективном погребении (около 30 костяков, расположенных в три круга). Так, в грунтовом могильнике восточного склона (на Восточном некрополе) Неаполя обнаружены: в могиле № 22 – два браслета (один из круглого дрота, другой из плоского) со змеиными головками на обоих концах, в могиле № 16 – браслет из плоского дрота и перстень со змеиной головкой на одном из концов, в могиле № 4 и склепе № 49 – по одному браслету из круглого дрота со змеиной головкой на одном из концов, в могиле № 14 – перстень со змеиной головкой на одном из концов, в могилах № 21, 70 и 71 – по одному круглому дровому браслету со змеиными головками на обоих концах; особо богатым подобными находками оказался склеп № 62, где найдены браслет из круглого дрота со змеиной головкой на одном из концов, а также браслет из круглого дрота в семь оборотов и пластинчатый браслет – оба со змеиными головками на обоих концах [Бабенчиков, 1957, с. 127, табл. III, 1, 2, 6-8, 10; IV, 6, 7, 10; Троицкая, 2015, с. 55, 57, рис. 4, 2, 4, 5; Зайцев, 2003, рис. 95, 9; 123, 15; 138, 5; Пуздровский, 2007, рис. 29, IV, 3-5; VI, 2; рис. 31, 9]. В. П. Бабенчиков считает, что всё это вещи местного производства и датирует их II–IV вв. н. э. К особому типу могил относится комплекс погребений в курганный насыпи у поворота дороги, ведущей из Неаполя, по восточному склону, к Алуштинскому шоссе. Здесь в женском погребении № 5 был найден браслет из плоского дрота со змеиными головками на обоих концах, а в грунтовом склепе № 16, где были погребены две женщины с младенцами, у одной из них на обеих руках у локтей обнаружены по одному бронзовому браслету со змеиными головками; все они, как и другие находки в данном кургане, датируются I в. н. э. [Бабенчиков, 1957, с. 139, табл. IX, 8, 15], а Т. Н. Троицкая отмечает, что этот «тип (браслетов) широко распространен у крымских скифов с конца I в. н. э.» [Троицкая, 2015, с. 55]. Данные артефакты, как и описанные выше, найденные на Восточном некрополе, могут указывать на то, что в первые века нашей эры к скифскому населению, по выражению В. П. Бабенчикова, «примешивается в значительном количестве элемент сарматский» [Бабенчиков, 1957, с. 139]. В контексте же нашего исследования представляется важным, что наиболее ранние культурные остатки, обнаруженные на территории Неаполя Скифского, представляют собой следы поселения кизил-кобинской архео-

⁴² Время существования некрополя Неаполя Скифского – со II в. до н. э. по III в. н. э. [Высотская, 1987, с. 48].

логической культуры конца IV – начала III в. до н. э. [Зайцев, 1995, с. 84]. Интересны находки в каменной гробнице мавзолея Неаполя Скифского серебряного наконечника кожаных ножен, украшенного двумя зигзагами, которые, напомним, толкуются как символы змеи, также фрагмент черепицы с изображением черной краской из зольника № 3 горизонта В [Зайцев, 2003, рис. 80, 6; рис. 114, 4], которое явно имеет «змеиный» смысл. Вполне вероятно, что последний артефакт представляет собой отражение древних верований греков о змее как охранителе дома.

Раскопки позднескифского Усть-Альминского некрополя⁴³, на юго-западном побережье Крыма, между Херсонесом и Керкинитидой, у современного села Песчаного Бахчисарайского района, продолжаются уже более 45 лет, и на сегодняшний день он может считаться крупнейшим позднескифским могильником Крыма. С учётом исследований 2019 г. количество выявленных и учтённых погребальных сооружений достигло 1258 [Труфанов и соавт., 2020]. Именно здесь были сделаны особенно многочисленные находки «змеиной» тематики. Так, в склепе 390 на третьем (нижнем) ярусе найдены двух- и трехвитковый браслеты из круглого дрота со стреловидной головкой змеи на одном из концов каждого; «шея» змеи в каждом случае передана значительным количеством поперечных полосок [Пуздровский, 2007, рис. 59, 1, 4]. В подбойной могиле 580 этого же некрополя обнаружено два подобных браслета, но с головками змей на каждом из их концов; отличается также гравировка «шеи» змеи на одном из них [Пуздровский, 2007, рис. 69, 7, 8]. Кроме того, на данном некрополе найдены золотые гривна с обоими расклепанными концами, браслет с одним расклепанным концом (напоминающим головку змеи), четырехвитковое кольцо с отогнутой головкой змеи на одном из концов, а также серебряный браслет из круглого дрота с головками змеи на обоих концах [Пуздровский, 2007, рис. 111, 2, 8, 9, 11]. Дальнейшие исследования этого некрополя принесли еще более впечатляющие результаты. Так, в могиле 1069 склепа центральной части некрополя найдена бронзовая фибула с узкой пластинчатой спинкой, украшенной проволоочной обмоткой в виде наложенной «змейки», с четырехвитковой пружиной и нижней тетивой; такие фибулы датируются второй половиной II – III в. н. э. Там же обнаружены фрагментированные бронзовые браслеты, которые по ромбовидной форме расплюснутых окончаний⁴⁴ могут быть сопоставлены с изделиями II – первой половины III в. н. э. [Пуздровский, Труфанов, 2015, с. 213, рис. 15, 1, 4, 5]. В склепе 973 обнаружены два бронзовых браслета со змеиными головками на обоих концах каждого из них. В по-

⁴³ Погребальные сооружения и обряд Усть-Альминского могильника характеризуют население, оставившее данный могильник как скифское. Датировка I в. до н. э. – III в. н. э. [Высотская, 1987, с. 50].

⁴⁴ Авторы почему-то не связали их со змеями, но в самой широкой части каждого из расплюснутых окончаний отчетливо видны два глаза, а при переходе от головы змеи к шее – изображение дерева (особенно на рис. 26 внизу в центре и справа). Это, безусловно, говорит не только о том, что изображены змеи, но и включает в композицию образ Мирового дерева, что делает такое изделие еще более знаковым, поскольку тесная связь змея с Мировым деревом отчетливо зафиксирована в индоевропейской традиции.

гребениях 2 и 3 склепа 974, а также в могиле 1045 – по бронзовому браслету с одной змеиной головкой; в погребении 6, как и в склепах 1002 и 1010, – по два таких браслета. В могиле 985 обнаружен бронзовый браслет с двумя змеиными головками, а в подбое 2 могилы 995 – две серебряные серьги с одной стилизованной головкой змеи у каждой. В склепе 1040 и в могиле 1069 найдены фрагменты бронзовых браслетов со змеиными головками [Пуздровский, Труфанов, 2016, рис. 11, 16, 18; 16, 12; 17, 2; 18, 2, 4; 39, 13; 56, 3, 4; 68, 5, 6; 85, 5, 6; 138, 2, 3; 143, 11; 181, 5, 6].

В подъемном материале некрополя Лучистое-2 (Южный Крым) присутствуют фрагменты бронзовых браслетов со змеиными орнаментированными головками и один целый браслет с неорнаментированными змеиными головками на обоих концах, а в могиле № 1 (наиболее вероятно, рубежа I–II вв. н.э.) данного некрополя найдены бронзовые браслеты со змеиными орнаментированными головками на расплющенных концах [Лысенко и соавт., 2015, с. 310; рис. 3, 17, 18, 20; 17, 1, 2]; кроме того, в этой же могиле найдены фибулы со схематическим изображением змеек на их щитках [Лысенко и др., 2015, с. 306, рис. 13, 15, 16, 19]. О сохранении в Западном Крыму фракийских традиций даже в римское время, т. е. в течение минимум уже шести веков, свидетельствует обнаружение в этой же могиле браслетов с коническими шишечками и орнаментированными окончаниями щитков [Лысенко и соавт., 2015, рис. 18, 1–3]. На Чернореченском могильнике II–IV вв. н. э. (в восточной части г. Севастополя, на левом берегу р. Черной – восточный склон II Федюхиной высоты) обнаружены серебряное кольцо и бронзовый браслет со змеиными головками на каждом из концов обоих предметов, а также бронзовое кольцо с гравированной на нем змейкой [Дашевская, 1991, табл. 67, 26, 38; 71, 15].

Напомним, что Т. Н. Троицкая заключила: «Традиции коллективных захоронений получили своё дальнейшее развитие у коренных жителей Крыма – горных тавров... скифские курганы этого типа расположены в предгорной части Крыма, в непосредственном соседстве с областью горных тавров, в другом же районе оседания скифов – на западном побережье Крыма – подобные захоронения неизвестны... Таврским влиянием можно объяснить и появление скорченных костяков в скифских могилах... В горном Крыму, у тавров, обычай скорченного захоронения сохраняется вплоть до III–IV вв. н.э. ... Археологические данные, подтверждаемые письменными свидетельствами, заставляют говорить о наличии тесных взаимосвязей, а возможно, и о слиянии таврской и скифской культур в последние века до н. э. – первые века н. э.» [Троицкая, 2015, с. 60–61]. И всё это представляется весьма важным, поскольку тавры относятся, как было показано выше, к реликтовым ариям, а обычай скорченного захоронения связан с носителями арийской гаплогруппы R1a ещё со времен культуры шнуrowой керамики [Naak et al., 2008], то есть с окончанием формирования и началом распада индоевропейской общности. О весьма же вероятной связи скифов и более раннего арийского населения Северного Причерноморья свидетельствует то, что недавно при специальном исследовании древних останков скифского могильника у с. Глиное (Слободзейский район Приднестровья) обнаружен носитель гаплогруппы

группы R1a [Krzewińska et al. 2018]. Об этом же говорит также находка гаплогруппы R1a в ископаемой скифской ДНК (датировка 2305±90 лет назад), сделанная в волжских степях Самарской области [Naak et al. 2015]. Обычай скорченного захоронения сопровождается сохранением культа змей. Об этом свидетельствуют находки на некрополе Дружное, расположенном в Центральном Крыму, в 20 км к юго-востоку от Симферополя, в 1 км от села Дружное, на склоне горы Шпиль, одного из отрогов Долгоруковской яйлы. Здесь, в погребении № 4,5 южного подбоя, среди других артефактов найден бронзовый браслет с окончаниями в виде змеиных головок, одна из которых лишена орнамента, а другая имеет 5 поперечных черточек около «носа» и стилизованные полукруглые «глаза» за ними. В этом же погребении найдены также две фибулы (длиной 68 и 73 мм) со спинкой, декорированной наложенной проволочной «змейкой». Авторы этих находок полагают, что, возможно, фибулы с орнаментом в виде «змейки» возникли в позднескифской среде. Наиболее ранние экземпляры происходят из некрополей Неаполя Скифского и Усть-Альминского городища, относящихся к позднему горизонту могильников. Пластинчатые фибулы с проволочной змейкой появились, видимо, на рубеже II–III вв. н. э. и употреблялись в первой половине III в. н. э. [Храпунов, Масыкин, 1998, с. 137–142, рис. 3, 49; 3, 17; 4, 19]. При исследовании могильника Нейзац – самого позднего (III–V вв. н. э.) из рассматриваемых могильников Крыма [Высотская, 1987, с. 55] и расположенного приблизительно в 20 км от Симферополя (в предгорной зоне, в долине реки Зуя), в могиле № 511, содержащей три погребения, было обнаружено среди прочего 2 серебряных браслета, датированных III в. н. э. Оба они имели окончания в виде стилизованных змеиных головок [Храпунов, 2016, рис. 7, 24, 26]. Приведенными в настоящей работе данными из доступных нам публикаций пока ограничиваются археологические свидетельства наличия культа змей в Западном Крыму в доисторическое и античное время и наличия здесь культа Ахилла с V в. до н. э. по II в. н. э.

Однако есть существенное дополнение к этим данным. Анализируя древние сведения о деяниях апостола Андрея, С. В. Петровский нашел главное для нашего исследования: в перечне географических пунктов проповеди апостола Андрея, согласно апокрифам, входят, в частности: страна антропофагов, которая ассоциируется с Таврией и которую достиг апостол морем, а также населенный пункт Мирмидон. В поздней латинской и англосаксонской редакции – это «Мирмидония», «страна Мирмидонян», «Мармедоняне» и конечный пункт проповеди апостолов Андрея и Матфея – «город Мармедонян (Мирмидон, Мармедон, Мермедон», который ассимилируется с Херсонесом Таврическим. Кроме того, С. В. Петровский показывает, с привлечением ряда античных авторов, в том числе Геродота и Страбона, что локализация «страны антропофагов (скифов и тавров)» и Мирмидона в Таврии вполне обоснована; более того, привлекая античные источники об Ахилле в Северном Причерноморье, он полагает рассматриваемые сведения церковных писателей вполне достоверными [Петровский, 1898, 3, 9–26]. В. Г. Васильевский утверждал: «Апокрифические сказания об апостоле Андрее также древни или даже ещё древнее,

чем те краткие сведения, которые находятся у церковных писателей и в списках апостолов», а также то, что среди апокрифов выделяются «Деяния Андрея и Матфея в стране антропофагов (Хождение в страну антропофагов или мирмидонян)»; это сказание передается в «Апостольских историях» псевдо-Авдия, где упоминается город Мирмидон, в котором проповедовали апостолы Андрей и Матфей [Васильевский, 1877, с. 53, 58–59, 66]. В. Г. Васильевский также указывает, что наиболее полную версию «хождения апостола Андрея к антропофагам» содержит англосаксонская поэма об Андрее (VIII – начало IX в.), где упоминается «народ мирмидонян» – «Volkder Mermedonier», а антропофаги иначе именуются, причем постоянно, мирмидонянами [Васильевский, 1877, с. 67–68, 70]. Мы так подробно приводим выдержки из работ историков церкви в связи с тем, что, как известно, предводителем мирмидонян в Трое был Ахилл. При этом только он и его отец Пелей являются вождями мирмидонян в эпосе вообще. Отсюда очевидно, что упоминание «народа мирмидонян» и населенного пункта с названием Мирмидон в описаниях деяний апостола Андрея в «стране антропофагов» – в Таврике, т. е. в современном Крыму, связано с культом Ахилла, существовавшим там много веков. Таким образом, апокрифические сказания об апостоле Андрее, видимо, дают наиболее полное объяснение одного из культовых эпитетов Ахилла в Северном Причерноморье – «Вечный отец», поскольку он оказывается неразрывно связан с целым народом тавров.

Приведенные данные и их обсуждение позволяют сделать следующие выводы:

1. Местное население Западного Крыма ко времени появления греческих колонистов и далее, до начала нашей эры, представляло собой так или иначе потомков ранних индоевропейцев (ариев), среди которых был развит культ *Áhi-Змея* (Верховного божества и Первопредка) – возможного прообраза Ахилла. Об этом свидетельствуют многочисленные находки на памятниках, начиная с дотаврского (белозерского) времени змеевидных браслетов различных форм и орнаментов, змеевидных валиков и змеевидного орнамента лепной керамики белозерской и кизил-кобинской культуры, а также некоторые росписи в погребальных каменных ящиках, характерных для тавров. Артефакты «змеиной» тематики были обнаружены в значительном числе и на памятниках Западного Крыма более позднего времени, вплоть до III в. н. э.

2. Святилище Ахилла на Бейкуше относилось к Борисфену, бывшему в позднеархаическое время самостоятельным полисом, и, когда население ввиду возникновения военно-политической нестабильности в степной зоне Северного Причерноморья стало массово покидать Борисфен, адепты культа Ахилла тоже вполне могли переселиться в Западный Крым после прекращения деятельности Бейкушского святилища в V в. до н. э. Дело не только в них, но и в ионийцах, основавших Керкинитиду и Калос Лимен, а также первыми прибывшими на территорию будущего Херсонеса. Распространенное ранее мнение об исключительно милетском (греческом) происхождении культа Ахилла в Северном Причерноморье представляется несостоятельным, поскольку в Милете (как и в Ионии в целом) сколь-либо развитый культ Ахилла не подтверждается ни древними источниками, ни данными археологии.

3. Решающим фактором формирования культа Ахилла в Западном Крыму, как и в Нижнем Побужье, на начальном этапе явилась встреча колонистов с мощным идеологическим феноменом – почитанием местными племенами (реликтовыми ариями-таврами и, вероятно, фракийцами) Áhi-Змея – Первопредка и олицетворения родившегося в Северном Причерноморье индоевропейского мировоззрения. Фракийское влияние, многочисленные свидетельства которого имеются в Западном Крыму, также могло сыграть определенную роль, поскольку образ Верховного бога фракийцев, Фракийского всадника, имел в истоках ранние индоевропейские корни и во многих аспектах был схож с образом Ахилла, включая тесную связь со змеями.

4. При этом большое значение могли иметь архетипические верования дорийцев, основавших Херсонес, а затем освоивших его дальнюю хору по всему Западному Крыму. Почвой для этого, по всей вероятности, служил весьма специфический культ Ахилла Аспета в древнейшем дорийском Эпире, который имел с древнейших времен важное значение в индоевропейском аспекте при формировании Эллады, причем – в тесной связи с Ахиллом. Древние представления об Ахилле дорийцев (прибывших в Западный Крым дальних потомков ранних индоевропейцев Северного Причерноморья) не могли не совпасть с почитанием реликтовыми ариями данного региона, таврами, Áhi-Змея (Верховного божества и Первопредка) – возможного прообраза Ахилла. Херсонес с самого начала своего основания был не чисто греческим, а греко-варварским городом.

5. Почитание Ахилла в Западном Крыму отразилось в ряде граффити, обнаруженных в Херсонесе и на его хоре. Их действительное число значительно больше, чем считалось ранее. Общее количество граффити античного Херсонеса с возможным посвящением Ахиллу оказывается почти в полтора раза больше, чем найденных при раскопках святилища Ахилла на Бейкуше. Большинство из них обнаруживает сходство с посвящениями Ахиллу из Нижнего Побужья (с Бейкуша, Черноморки-II и Березани), которые представлены очень кратко – А, АХ, АХI. На ближней и дальней хоре Херсонеса обнаружено около пятнадцати граффити, большинство из которых обозначают АХ или АХI. В подавляющем большинстве такие граффити из Херсонеса датируются IV–III вв. до н. э., лишь три – серединой-концом V в. до н. э. и четыре – II в. до н. э., а все краткие граффити с ближней и дальней хоры относятся к IV–III вв. до н. э. Сравнить Ахилла данных посвящений с Ахиллом Понтархом некорректно, поскольку культ последнего появился в Ольвии заметно позже – уже в римское время, не ранее конца I в. до н. э., когда Ольвия только начала восстанавливаться после гетского нашествия.

6. Мы считаем, на основании критического исследования большого количества археологических данных, что «монеты-стрелки» действительно являлись «монетами-копьями» и во Фракии принадлежали культу Фракийского всадника, а в Нижнем Побужье – культу Ахилла. Поэтому и «монеты-стрелки» («монеты-копья») Керкинитиды тоже могли принадлежать культу Ахилла, а не Аполлона Врача. В пользу наличия в Керкинитиде культа последнего нет ни литературных,

ни археологических данных; здесь, например, даже нет ни единого граффито типа ИНТРОС (Врач), что, как правило приписывается Аполлону Врачу.

7. На хоре Херсонеса найдены два граффити, имеющие важнейшее значение. И если одно из них (из Кара-Тобе конца II – начала I в. до н. э.) только показывает возможную связь Ахилла с Великой богиней, то другое (из урочища Джангуль, II в. до н. э.) бесспорно подтверждает это. Такие посвящения свидетельствуют о почитании Ахилла не просто в качестве героя-бога, но свидетельствуют о том, что Ахилл мыслился в Западном Крыму как Верховное божество.

8. В Западном Крыму имеются многочисленные свидетельства того, что культ змей продолжал существовать здесь, как минимум, до III в. н. э. Имеются здесь и свидетельства культа Ахилла в римское время, но уже значительно меньше, чем ранее: найдено всего шесть граффити АХ, все они датированы рубежом нашей эры – I в. н. э. Однако надпись II в. н. э. из Неаполя Скифского: «...Ахиллу и всем богам», где Ахилл упоминается перед «всеми богами», свидетельствует о сохранении значимости его образа. Такое положение может быть только у Верховного божества, которое почитали с доисторических времен. Вероятно, что именно такая природа сохраняется и у Ахилла-бога (Ахилла Понтарха), о котором свидетельствует Дион Хрисостом (XXXVI, 14): «Ахилл – для нас бог, как ты сам видишь». Это подкрепляется одним из культовых эпитетов Ахилла в Ольвийском полисе – «Вечный отец», который не объяснить иначе, как понимание сущности образа Ахилла в значительно большей степени, чем просто бога, и тем более – просто героя. Таким образом, культ Ахилла на протяжении около шести веков был почитаем гораздо в большей степени, чем раньше. При этом данный культ сохранил архаические черты, что было утеряно в Ольвийском полисе после V в. до н. э. Это связано с тем, что в Западном Крыму культ Ахилла (не государственный, а частный) существовал в более смешанной с местным населением, таврами, среде. Кроме того, археологические данные, подтверждаемые письменными свидетельствами, заставляют говорить о наличии тесных взаимосвязей, а возможно, и о слиянии таврской и скифской культур в Крыму в последние века до н. э. – первые века н. э., что проявилось, в частности, в преемственности культа змей. Это и позволило частному культу Ахилла-бога сохраняться здесь долгое время.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Бабенчиков В. П. Некрополь Неаполя Скифского // История и археология древнего Крыма / Отв. ред. П. Н. Шульц. Киев: Изд-во АН УССР. 1957. С. 94–141.
- Белов Г. Д. Северный прибрежный район Херсонеса: по новейшим раскопкам // Археологические памятники Юго-Западного Крыма (Херсонес, Мангуп). МИА № 34. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 11–31.
- Белузов А. В. Греческая и римская эпиграфика Северного Причерноморья. 2013 г. // Аристей / Гл. ред. А. В. Подосинов. 2014. Т. X. С. 317–341.
- Богданова Н. О. Могильник I ст. до н. э. – III ст. н. э. біля с. Завітне, Бахчисарайського району // Археологія. 1963. Т. 15. С. 95–109.

- Буйских С. Б. К истории открытия Бейкушского святилища // Северное Причерноморье в античное время. Киев: Институт археологии НАН Украины, 2002. С. 21–32.
- Вальчак С. Б. Киммерийский период // Большая российская энциклопедия. Т. 13. М., 2009. С. 684.
- Васильевский В. Г. Русско-византийские отрывки: Хождение апостола Андрея в стране мирмидонян // Журнал Министерства народного просвещения. 1877. Вып. 189. Часть 2. СПб. С. 41–82.
- Вейсман А. Д. Греческо-русский словарь. Изд-е 5-е. СПб., 1899. 1370 с.
- Виноградов Ю. Г. Ольвиополиты в Северо-Западной Таврике // Древнее Причерноморье (чтения памяти профессора Петра Осиповича Карышковского). Тезисы докладов конференции (9–11 марта 1989 г., Одесса, 1989). Одесса, 1990. С. 17–19.
- Внуков С. Ю. Новые открытия на городище Кара-Тобе в Северо-Западном Крыму в 2007 г. // АДУ 2005–2007 р. / Гол. ред. Н. О. Гаврилюк. Київ; Запоріжжя: ІА НАН України; Дике Поле, 2007. С. 54–58.
- Высотская Т. Н. Этнический состав населения Крымской Скифии (по материалам могильников) // Материалы к этнической истории Крыма VII в. до н. э. – VII в. н. э. Киев: Наукова думка, 1987. С. 40–67.
- Гаврилов А. В., Труфанов А. А. Исследование могильника городища Куру-Баш // АДУ в 2011 р. / Гол. ред. Д. Н. Козак. Київ: Волинські старожитності, 2012. С. 33–34.
- Гаврилюк Н. А. Лепная керамика городища Чайка // Очерки археологии Северо-Западного Крыма (по материалам городища Чайка и некрополя у поселка Заозерное) / Отв. ред. Е. А. Попова. М.: МГУ, 2016. С. 179–271.
- Гайдукевич В. Ф., Капошина С. И. К вопросу о местных элементах в культуре античных городов Северного Причерноморья // Советская археология. 1951. XV. С. 162–187.
- Голан А. Миф и символ. М.: Русслит, 1993. 375 с.
- Дараган М. Памятники раннескифского времени Среднего Поднепровья и Гальштатт: поиски хронологических реперов // Revista Arheologică. Serie nouă. 2010. Vol. VI. № 2. Chişinău. Рр. 85–113.
- Дашевская О. Д. Поздние скифы (III в. до н. э. – III в. н. э.) // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. А. И. Мелюкова. М.: Наука, 1989. С. 125–146.
- Дашевская О. Д. Поздние скифы в Крыму. М.: Наука, 1991. 141 с.
- Доманский Я. В. К предыстории Херсонеса Таврического // Античный мир и археология. 1974. Вып. 2. Саратов. С. 37–46.
- Доманский Я. В., Фролов Э. Д. Развитие межполисных отношений в Античном Причерноморье в VI–I вв. до н. э. (принципиальный обзор) // Античный полис. Межвузовский сборник / Отв. ред. Э. Д. Фролов. С. 103–111.
- Зайцев Ю. П. Хронология Неаполя Скифского // Древности Степного Причерноморья и Крыма / Отв. ред. Г. Н. Тощев. Запорожье: Запорожский государственный университет, Запорожский областной краеведческий музей, 1995. Вып. V. С. 67–90.
- Зайцев Ю. П. Неаполь Скифский (II в. до н. э. – III в. н. э.). Симферополь: Универсум, 2003. 212 с., ил.
- Златковская Т. Д. Возникновение государства у фракийцев. М.: Наука, 1971. 267 с.
- Золотарев М. И. Херсонесская архаика // ВДИ. 1995. № 3. С. 138–151.
- Кагаров Е. Г. Культ фетишей, растений и животных в Древней Греции. М.: Либроком., 2012. 336 с.

- Кияшко А. В. Морфология и орнаментика керамики эпохи средней бронзы Волго-Донских степей // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2001. Вып. 4. С. 25–43.
- Клёсов А. А. Гаплогруппа R1b. Часть 2. Гаплогруппа R1b по странам и регионам // Вестник Российской академии ДНК-генеалогии. 2010. Т. 3. № 3. С. 406–475.
- Клёсов А. А. Миграции ариев от 6000 до 3000 лет назад – как их видит ДНК-генеалогия, археология и лингвистика. Часть 2 // Вестник Академии ДНК-генеалогии. 2016. Т. 9. № 2. С. 187–240.
- Колобова К. М., Глускина Л. М. Очерки истории Древней Греции. Л.: Госучпедиздат, 1958. 347 с.
- Колотухин В. А. Горный Крым в эпоху поздней бронзы – начале железного века. Киев: Южногородские ведомости, 1996. 160 с.
- Колотухин В. А. Киммерийцы и скифы Степного Крыма (подкурганские погребения Степного Крыма начала железного века). Симферополь: Сонат, 2000. 120 с.
- Колотухин В. А. Население горного и предгорного Крыма VII–V вв. до н. э. // Материалы к этнической истории Крыма VII в. до н. э. – VII в. н. э. Киев: Наукова думка, 1987. С. 6–27.
- Колотухин В. А. Поздний бронзовый век Крыма. Киев: Стилос, 2003. 139 с.
- Колтухов С. Г., Сенаторов С. Н. Скифские погребения в курганах Юго-Западного Крыма // ИАК. Вып. II / Отв. ред. В. В. Майко. Симферополь: [б.и.], 2015. С. 79–101.
- Котенко В. В. Місце та роль поселення Маслини в системі археологічних пам'яток херсонеської хори у Північно-Західній Тавриці // Laurea I. Античний мир и Средние века: Чтения памяти профессора Владимира Ивановича Кадеева. Материалы. Харьков: ООО «НТМТ», 2015. С. 36–38.
- Кравченко Е. А. Кизил-кобинська культура у Західному Криму. Київ: ІА НАН України, 2010. 276 с.
- Кутайсов В. А. Античный город Керкинитида. Киев: Наукова думка, 1990. 176 с.
- Кутайсов В. А. Керкинитида. Симферополь: Таврия, 1992. 192 с.
- Кутайсов В. А. Керкинитида в античную эпоху. Киев: Корвин Пресс, 2004. 324 с.
- Кутайсов В. А. Кизил-кобинская керамика из раскопок Керкинитиды // Материалы к этнической истории Крыма VII в. до н. э. – VII в. н. э. Киев: Наукова думка, 1987. С. 27–40.
- Кутайсов В. А. Ольвия и Северо-Западный Крым // Ольвия та Античний світ: Матеріали наукових читань, присвячених 75-річчю утворення історико-археологічного заповідника «Ольвія» НАН України, 19–22 листопада 2001 р. Київ, 2001. С. 77–80.
- Кутайсов В. А. О туземном компоненте в составе населения Керкинитиды // Скифо-сибирская культурно-историческая общность. Мат. конф. Часть 2 / Отв. ред. В. И. Матющенко. Омск, 1987. С. 144–146.
- Лазаренко В. Г. Ахилл – бог Северного Причерноморья. Ижевск: Шелест, 2018. 416 с.
- Лазаренко В. Г. Культ Ахилла в Северном Причерноморье и Фракийский всадник // НГ. Вестник античной истории, археологии и классической филологии. Вып. IX / Отв. ред. И. Ю. Шайб. СПб., 2017. С. 97–152.
- Лазаренко В. Г. Культ змей в Северном Причерноморье IV–I тысячелетий до н. э. // Вісник Національного історико-археологічного заповідника «Кам'яна Могила». Вип. I / Відп. ред. Я. Б. Михайлов. Запоріжжя: Дике Поле, 2016. С. 37–48.
- Лазаренко В. Г. Образ Змея и архаический культ Ахилла в Северном Причерноморье // НГ. Вестник античной истории, археологии и классической филологии. Вып. VII / Глав. ред. А. Б. Егоров. СПб., 2015. С. 30–54.

- Лазаренко В. Г. Особенности культа Ахилла в Крыму и на Азиатском Боспоре // БИ / Глав. ред. В. Н. Зинько. 2019. Вып. XXXIX. Керчь-Симферополь: Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского. С. 20–57.
- Лазаренко В. Г. Ранний период архаического культа Ахилла в Северном Причерноморье // НГ. Вестник античной истории, археологии и классической филологии. Т. VIII / Глав. ред. А. Б. Егоров. СПб., 2016. С. 13–60.
- Лазаренко В. Г. Феномен монет-стрелок: проблемы и поиск их решений. Часть 1. Происхождение и время обращения монет-стрелок // НГ. Вестник классической археологии, антиковедения и медиевистики. 2020. Вып. XII, 2 / Глав. ред. И. Ю. Шауб. С. 96–148.
- Лазаренко В. Г. Феномен монет-стрелок: проблемы и поиск их решений. Часть 2. Существуют ли эпиграфические доказательства обращения монет-стрелок в греческой среде и действительно ли это «монеты-стрелки»? // НГ. Вестник классической археологии, антиковедения и медиевистики. 2021. Вып. XIII, 1 / Глав. ред. И. Ю. Шауб. С. 20–66.
- Лазаренко В. Г. Феномен монет-стрелок: проблемы и поиск их решений. Часть 3. Культурное предназначение монет-стрелок. Раздел 1. О мнимом целительстве Аполлона-лучника и его стрел // НГ. Вестник классической археологии, антиковедения и медиевистики. 2021a. Вып. XIII, 4 / Глав. ред. И. Ю. Шауб. С. 116–141.
- Латышев В. В. Эпиграфические новости из южной России (находки 1901–1903 годов) // ИИАК. 1904. Вып. 10. СПб. С. 1–91.
- Лесков А. М. Горный Крым в I тысячелетии до нашей эры. Киев: Наукова думка, 1965. – 198 с.
- Лесков О. М., Кравченко Е. А. Гряда А могильника кизил-кобинської культури Уркуста-I у Південно-Західному Криму // Археологія. 2007. № 4. С. 11–22.
- Лысенко А. В., Масыкин В. В., Мордвинцева В. И. Могила № 1 некрополя римского времени Лучистое-2 (Южный Крым) // ИАК. Вып. II / Отв. ред. В. В. Майко. Симферополь, 2015. С. 295–333.
- Мелюкова А. И. Скифские курганы Тираспольщины (по материалам И. Я. и Л. П. Стемпковских) // Памятники скифо-сарматской культуры. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 114–166.
- Отрешко В. М. Граффити, найденные на поселении Большая Черноморка-II в 1973 г. // Некоторые вопросы археологии Украины / Отв. ред. Н. Н. Бондарь. Киев: Вища школа, 1977. С. 40–44.
- Папанова В. А. Символика оружия в античных погребениях // БФ: Погребальные памятники и святилища. 2002. Часть 2. СПб., С. 279–285.
- Пеляшенко К. Ю. Глиняная мелкая пластика Циркуновского городища // Археологія та етнологія півдня Східної Європи / Відп. ред. З.П. Маріна. Дніпро: Ліра. 2016. С. 270–278.
- Петренко В. Г. Украшения Скифии VII–III вв. до н. э. М.: Наука, 1978. 144 с., 52 табл.
- Петровский С. В. Апокрифические сказания об апостольской проповеди по Черноморскому побережью // Записки Одесского общества истории и древностей. 1898. Вып. 21. Одесса. С. 1–184.
- Подосинов А. В., Скржинская М. В. Римские географические источники: Помпоний Мела и Плиний Старший. М.: Индрик, 2011. 504 с.
- Попова Е. А. Орнаментированные лепные курильницы с городища Чайка в Северо-Западном Крыму // Scythia et Sarmatia / Отв. ред. А. А. Малышев. М: МАКС Пресс, 2019. С. 207–212.
- Попова Е. А. Проблемы археологии и истории Северо-Западного Крыма в IV в. до н. э. – IV в. н. э. (по материалам городища Чайка в Евпатории и некрополя у поселка Заозерное) // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2009. № 3. С. 102–128.

- Попова Е. А., Егорова Т. В. Исследования Крымской археологической экспедиции МГУ на городище Чайка близ Евпатории и на некрополе у пос. Заозерное в 2007 г. // АДУ 2008р. Київ: Волинські старожитності, 2009. С. 276–278.
- Порциг В. Членение индоевропейской языковой области / Пер. с нем. Изд-е 2-е, исправл. М.: Едиториал УРСС, 2003. 332 с.
- Птолемей Хенн. Новая история для многознающих. Из «Библиотеки» Фотия (Cod. 190) / Пер. Д.В. Мещанского // w.w.w. simposium.ru/ru/node/10516. Дата обращения 14.01.2022.
- Пуздровский А.Е. Крымская Скифия II в. до н. э. – III в. н. э. Погребальные памятники. Симферополь: Бизнес-Информ, 2007. 480 с., ил.
- Пуздровский А. Е., Труфанов А. А. Два склепа в центральной части Усть-Альминского некрополя // ИАК. Вып. II / Отв. ред. В. В. Майко. Симферополь, 2015. С. 200–269.
- Пятышева Н. В. Культ греко-тавро-скифского божества в Херсонесе // ВДИ. 1947. № 3. С. 213–218.
- Пятышева Н. В. Тавры и Херсонес Таврический // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИИМК. М. –Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Вып. XXIX. С. 122–124.
- Репников Н. И. Каменные ящики Байдарской долины // ИИАК. СПб.: Типография Главного управления уделов, 1909. Вып. 30. С. 127–155.
- Рогов Е. Я. Ольвиополиты в Северо-Западном Крыму // ΣΥΣΣΙΤΙΑ. Памяти Юрия Викторовича Андреева. СПб: Гос. Эрмитаж; Алетей, 2000. С. 269–274.
- Романчук А. И. Исследования Херсонеса–Херсона. Раскопки. Гипотезы. Проблемы: Монография: В 2 т. Т. 1: Античный полис. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2008. 720 с., 88 ил.
- Русаєва А. С. Культові предмети из поселення Бейкуш поблизу о-ва Березань // Археологія. 1971. № 2. С. 22–29.
- Сапрыкин С. Ю. Денежное обращение на хоре Херсонеса Таврического в античную эпоху. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2005. 204 с.
- Сапрыкин С. Ю. Памятники малой эпиграфики Северо-Западного Крыма античной эпохи // История и археология Северо-Западного Крыма. Материалы к археологической карте Крыма. Выпуск XIV / Ред. В. А. Кутайсов и Т. Н. Смекалова. Симферополь: Феникс, 2014. С. 7–32.
- Сапрыкин С. Ю., Внуков С. Ю. Греческие надписи из Кара-Тобе (Северо-Западный Крым) // ВДИ. 2015, № 2. С. 98–119.
- Сенаторов С. Н. Керамика кизил-кобинской культуры второй половины VI – первой половины IV в. до н. э. // БФ: Население, языки, контакты. СПб., 2011. С. 354–362.
- Соломоник Э. И., отв. ред. Граффити античного Херсонеса (на чернолаковых сосудах). Киев: Наукова думка, 1978. 139 с., табл.
- Соломоник Э. И. Граффити с хоры Херсонеса. Киев: Наукова думка, 1984. 114 с., табл.
- Соломоник Э. И. Некоторые группы граффити из античного Херсонеса // ВДИ. 1976. № 3. С. 121–142.
- Соломоник Э. И. Эпиграфические памятники Неаполя Скифского // Нумизматика и эпиграфика. 1962. Т. III. М.: Изд-во АН СССР. С. 32–44.
- Снітко І. А. Архітектура греко-скіфського городища Беляус: проблеми дослідження та інтерпретації // Проблеми історії та археології України: тези доповідей XII Міжнародної наукової конференції, присвяченої 215-річчю Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна (Харків, листопад 2020). Харків: ТОВ «НТМТ», 2020. С. 30–31.

- Снітко І. О. Ще раз про межі ольвійського поліса // Археологія. 2012, № 4. С. 31–42.
- Стржелецкий С. Ф. Раскопки таврского некрополя Херсонеса в 1945 г. // Херсонесский сборник. Вып. IV / ред. А. П. Смирнов. Симферополь: Крымиздат, 1948. С. 69–95.
- Сулимирский Т. Сарматы. Древний народ юга России / Пер. с англ. М.: Центрполиграф, 2008. 191 с.
- Тельнов Н., Синика В. Фракийские влияния на материальную культуру и погребальный обряд скифов III–II вв. до н. э. на левобережье Нижнего Днестра // RA. Serie nouă. 2012. Vol. VIII. Nr. 1–2. Pp. 69–83.
- Техов Б. В. Средняя Европа и Центральный Кавказ в эпоху поздней бронзы и раннего железа // Между Европой и Азией. Кавказ в IV–I тыс. до н. э. СПб., 1996. С. 101–104.
- Топоров В. Н. К древним балкано-балтийским связям в области языка и культуры // Античная балканистика. Первый симпозиум по балканскому языкознанию (23–24 мая 1972 г.). Предварительные материалы. М., 1972. С. 24–38.
- Топоров В. Н. К происхождению некоторых поэтических символов. В кн. Топоров В. Н. Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы. В 2 тт. Т. 1. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. С. 52–82.
- Топоров В. Н. Об архаическом слое в образе Ахилла // Образ-смысл в античной культуре. М.: ГМИИ, 1990. С. 64–95.
- Тохтасьев С. Р. Из ономастики Северного Причерноморья. XXI. ТРАКАНА // ВДИ. 2013. №1. С. 193–196.
- Тоцев Г. Н. Крым в эпоху бронзы. Запорожье: Запорожский национальный университет, 2007. 304 с., ил.
- Троицкая Т. Н. Скифские коллективные погребения в курганах Крыма // ИАК. Вып. II / Отв. ред. В. В. Майко. Симферополь: [б.и.], 2015. С. 54–65.
- Трубачев О. Н. Indoarica в Северном Причерноморье. М.: Наука, 1999. 320 с.
- Трубачев О. Н., Шапошников А. К. Этимологический словарь языковых реликтов Indoarica. В кн. Трубачев О. Н. Indoarica в Северном Причерноморье. М.: Наука. 1999. 320 с. С. 220–288.
- Труфанов А. А., Зайцев Ю. П., Медведев Г. В., Соломоненко А. Е., Шкрибляк И. И. Исследования Усть-Альминского некрополя в 2019 году // ИАК. 2020. Вып. XIII. С. 393–400.
- Уваров А. С. Несколько слов об археологических изысканиях близ Симферополя и Севастополя // ПроPILEI. IV. М., 1854. С. 525–537.
- Фролов Э. Д. Копьё как оружие и символ знатности у древних греков // Мнемон: Исследования и публикации по истории Древнего мира. 2012. № 11. СПб. С. 57–64.
- Храпунов И. Н. Две подбойные могилы III в. н. э. из некрополя Нейзац (Крым) // РА. 2016. №2. С. 132–149.
- Храпунов И. Н. Об этнической принадлежности кизил-кобинской культуры // История и археология Юго-Западного Крыма / Ред.-сост. М. М. Могаричев. Симферополь: Таврия, 1993. С. 3–10.
- Храпунов И. Н., Масякин В. В. Могила с двумя подбоями III в. н. э. из некрополя Дружное в Крыму // РА. 1998. № 4. С. 133–149.
- Храпунов И. Н., Мульд С. А. Катакомбы из могильников Фонтаны и Левадки в связи с происхождением позднескифской культуры // Проблемы истории, филологии, культуры. 2004. Вып. 14. Магнитогорск: Изд-во Магнитогорского гос. техн. университета. С. 239–269.
- Шапошников А. К. Языковые реликты фракийского облика в Северном Причерноморье //

- Этимология 2009–2011 / Отв. ред. Ж. Ж. Варбот. М.: Наука, 2012. С. 252–308.
- Шапошников А. К. Indoarica в Северном Причерноморье // Вопросы языкознания. 2005. – №5. С. 30–67.
- Шaub И. Ю. Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье (VII–IV вв. до н. э.). СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2007. 484 с.
- Шaub И. Ю. О семантике изображений на золотом браслете из Куль-Обы // НГ. Вестник античной истории, археологии и классической филологии. Вып. V / глав. ред. А. Б. Егоров. СПб., 2012. С. 5–9.
- Шубин В. И. Копье как символ в поэмах Гомера // Античное общество – IV: Власть и общество в Античности. Материалы международной конференции антиковедов, проводившейся 5–7 марта 2001 г. на историческом факультете СПбГУ. СПб., 2001. <http://www.ctntant.ru/centrum/publik/confcent/2001-03/shubin.htm> (дата обращения 10.01.2022).
- Щеглов А. Н. Большой Камень и святилище II в. до н.э. в урочище Джангуль // Проблемы античной культуры: Тезисы докладов Крымской научной конференции 19–24 сентября 1988 г. Ч. III / отв. ред. Л. В. Павленко. Симферополь, 1988. С. 273–275.
- Щеглов А. Н. Работы в Черноморском районе Крыма // Археологические открытия 1984 года / Отв. ред. В. П. Шилов. М., 1986. С. 333–334.
- Щеглов А. Н., Рогов Е. Я. Погребения в подбойных могилах в Нижнем Побужье, в Нижнем Поднестровье и в Северо-Западном Крыму // Проблемы исследования Ольвии. – Парутино, 1985. С. 86–88.
- Эпир // Брокгауз и Ефрон. Энциклопедический словарь. В 86 т. Т. XLа. СПб.: Семеновская типолитография (И.А. Ефрона), 1904. С. 919–920.
- Яйленко В. П. Граффити Левки, Березани и Ольвии // ВДИ. 1980. № 2. С. 72–99.
- Яйленко В. П. Греческая колонизация VII–III вв. до н. э. (по данным эпиграфических источников). М.: Наука, 1982. 312 с.
- Яйленко В. П. Три историко-онимастических фракийско-скифских очерка: алазоны, амазонки, Эксампей // БИ. Вып. XXXIII / Отв. ред. В.Н.Зинько, Керчь: Керченская городская типография, 2016. С. 30–94.
- Allentoft M.E., Sikora M., Sjögren K.G., Rasmussen S. et al. Population genomics of Bronze Age Eurasia // Nature. 2015. 522. Pp. 167–172.
- Haak W., Brandt G., de Jong H.N., Meyer et al. Ancient DNA, Strontium isotopes, and osteological analyses shed light on social and kinship organization of the Later Stone Age // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2008. 105. Pp. 18226–18231.
- Haak W., Lazaridis I., Patterson N., Rohland N. et al. Massive migration from the steppe is a source for Indo-European languages in Europe // Nature. 2015. 522. Pp. 207 – 211.
- Hupe J. Syntese: Akkulturationsprozesse im Spiegel des Achilleus-Kult. Der Achilleus-Kult im nördlichen Schwarzmeerraum vom Beginn der griechischen Kolonisation bis in die römische Kaiserzeit / Beiträge zur Akkulturationsforschung / Joachim Hupe (Hrsg.). Rahden / Westf.: Leidorf, 2006. (Internationale Archäologie. Bd. 94). S. 235–241.
- IOSPE III. <https://iospe.kcl.ac.uk/3.596-ru.html>.
- Krzewińska M., Kiliç G.M., Juras A., Koptekin D., Chyleński M. et al. Ancient genomes suggest the eastern Pontic-Caspian steppe as the source of western Iron Age nomads. Science Advances. 03 Oct 2018: Vol. 4, no. 10, eaat 4457.
- Latyshev B. Inscriptiones antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae. 2nd ed. (IOSPE I²). Vol. I. Petropoli, 1916, pp. 598.

- Liddel H.G., Scott R. Greek-English Lexicon. Eighth edition, revised throughout. New York, Chicago, Cincinnati: American book company, 1901, 1776 p.
- Mathieson I., Lazaridis I., Rohland N., Mallick S., Patterson N. et al. Genome-wide patterns of selection in 230 ancient Eurasians. *Nature*. 2015. 528. Pp. 499–503.
- Solovyov S. L. Monetary Circulation and Political History of Archaic Borysthenes. *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*. 2006. Vol. 12.1–2, pp. 63–75.

REFERENCES

- Allentoft M. E., Sikora M., Sjögren K. G., Rasmussen S. et al. Population genomics of Bronze Age Eurasia. *Nature*, 2015, 522, pp. 167–172.
- Babenchikov V. P. Nekropol' Neapolja Skifskogo. *Istorija i arheologija drevnego Kryma*. Ed. P. N. Shul'c. Kiev: AN USSR Publ. 1957, pp. 94–141.
- Belov G. D. Severnyj pribrezhnyj rajon Hersonesa: Po novejsim raskopkam. *Arheologicheskie pamjatniki Jugo-Zapadnogo Kryma (Hersones, Mangup)*. MIA № 34. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1953, pp. 11–31.
- Belousov A. V. Grecheskaja i rimskaja jepigrafika Severnogo Prichernomor'ja. 2013 g. *Aristej*. Ed. A. V. Podosinov. 2014. Vol. X, pp. 317–341.
- Bogdanova N. O. Mogil'nik I st. do n. je. – III st. n. je. bilja s. Zavitne, Bahchisarajs'kogo rajonu *Arheologija*. 1963. Vol. 15, pp. 95–109.
- Bujskih S. B. K istorii otkrytiya Bejkushskogo svyatilishcha. *Severnoe Prichernomor'e v antichnoe vremja*. Kiev, Institut arheologii NAN Ukrainy, 2002, pp. 21–32.
- Dashevskaya O. D. Pozdnie skify (III vv. do n. e. – III vv. n. e.). *Stepi Evropejskoj chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremja*. A. I. Melyukova (Ed.). Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 125–146.
- Dashevskaya O. D. *Pozdnie skify v Krymu*. Moscow, Nauka Publ., 1991, 141 p.
- Domanskij Ja. V. K predystorii Hersonesa Tavricheskogo. *Antichnyj mir i arheologija*. 1974. Issue 2. Saratov, pp. 37–46.
- Domanskij Ja. V., Frolov Je. D. Razvitie mezhpilisnyh otnoshenij v Antichnom Prichernomor'e v VI–I vv. do n. je. (principal'nyj obzor). *Antichnyj polis*. Mezhevuzovskij sbornik. Ed. Je. D. Frolov, pp. 103–111.
- Frolov Je. D. Kop'jo kak orudie i simvol znatnosti u drevnih grekov. *Mnemon*: Issledovanija i publikacii po istorii Drevnego mira. 2012, no. 11. St. Petersburg, pp. 57–64.
- Gavrilov A. V., Trufanov A.A. Issledovanie mogil'nika gorodishcha Kuru Bash. Kozak D. N. (Ed.). *ADU v 2011 r*. Kiiv, Volins'ki starozhitnosti Publ., 2012, pp. 33–34.
- Gavriljuk N. A. Lepnaja keramika gorodishha «Chajka». *Oчерки arheologii Severo-Zapadnogo Kryma (po materialam gorodishha «Chajka» i nekropolja u poselka Zaozernoje)*. Ed. E. A. Popova. Moscow, MGU Publ., 2016, pp. 179–271.
- Gajdukevich V. F., Kaposhina S. I. K voprosu o mestnyh jelementah v kul'ture antichnyh gorodov Severnogo Prichernomor'ja. *Sovetskaja arheologija*. 1951, vol. XV, pp. 162–187.
- Golan A. Mif i simvol. Moscow, Russlit Publ, 1993, 375 p.
- Haak W., Brandt G., de Jong H. N., Meyeretal C. Ancient DNA, Strontium isotopes, and osteological analyses shed light on social and kinship organization of the Later Stone Age. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 2008, 105, pp. 18226–18231.
- Haak W., Lazaridis I., Patterson N., Rohland N. et al. Massive migration from the steppe is a source for Indo-European languages in Europe. *Nature*, 2015, 522, pp. 207–211.

- Hrapunov I. N. Dve podbojnye mogily III v. n. je. iz nekropolja Nejzac (Krym). *RA*. 2016, no. 2, pp. 132–149.
- Hrapunov I. N. Ob jetnicheskoy prinadlezhnosti kizil-kobinskoj kul'tury. *Istorija i arheologija Jugo-Zapadnogo Kryma*. Ed. M. M. Mogarichev. Simferopol', Tavrija Publ., 1993, pp. 3–10.
- Hrapunov I. N., Masjakin V. V. Mogila s dvumja podbojami III v. n. je. iz nekropolja Druzhnoe v Krymu. *RA*, 1998, no. 4, pp. 133–149.
- Hrapunov I. N., Mul'd S. A. Katakomby iz mogil'nikov Fontany i Levadki v svyazi s proiskhozhdeniem pozdneskifskoï kul'tury. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. 2004, issue 14, Magnitogorsk, Magnitogorsk iï gos. tekhn. Universitet Publ., pp. 239–269.
- Hupe J. Synthese: Akkulturationsprozesse im Spiegel des Achilleus-Kultes. Joachim Hupe (Hrsg.). *Der Achilleus-Kult im nördlichen Schwarzeeraum vom Beginn der griechischen Kolonisation bis in die römische Kaiserzeit*. Beiträge zur Akkulturationsforschung. Rahden, Westf., Leidorf, 2006, S. 235–241 (Internationale Archäologie. Bd. 94).
- IOSPE III. <https://iospe.kcl.ac.uk/3.596-ru.html>. Daragan M. Pamjatniki ranneskifskogo vremeni Srednego Podneprov'ja i Gal'shtatt: poiski hronologicheskikh reperov. *Revista Arheologică*. Serie nouă. 2010, vol. VI, no 2, Chişinău, pp. 85–113.
- JEPPIR. *Brokgauz i Efron. Jenciklopedicheskij slovar'*. V 86 tt. T. XLa. St. Petersburg, 1904, pp. 919–920.
- Jajlenko V. P. Graffiti Levki, Berezani i Ol'vii. *VDI*. 1980, no. 2, pp. 72–99.
- Jajlenko V. P. *Grecheskaja kolonizacija VII–III v. do n. je. (po dannym jepigraficheskikh istochnikov)*. Moscow, Nauka Publ., 1982, 312 p.
- Jajlenko V. P. Tri istoriko-onomasticheskikh frakijsko-skifskih ocherka: alazoni, amazonki, Jeksampej. *BI*. Issue XXXIII. Ed. V. N. Zin'ko, Kerch': Kerchenskaja gorodskaja tipografija, 2016, pp. 30–94.
- Kagarov E. G. *Kul't fetishej, rastenij i zhivotnyh v Drevnej Grecii*. Moscow, Librokom Publ., 2012, 336 p.
- Kijashko A. V. Morfologija i ornamentika keramiki jepohi srednej bronzy Volgo-Donskikh stepej *Nizhnevolzhskij arheologicheskij vestnik*. Volgograd, 2001, issue 4, pp. 25–43.
- Kljusov A. A. Gaplogruppa R1b. Chast' 2. Gaplogruppa R1b po stranam i regionam. *Vestnik Rossijskoj Akademii DNK-genealogii*. 2010, vol. 3, no. 3, pp. 406–475.
- Klyosov A. A. Migracii ariev ot 6000 do 3000 let nazad – kak ih vidit DNK-genealogiya, arheologiya i lingvistika. CHast' 2. *Vestnik Akademii DNK-genealogii*. 2016, vol. 9, no. 2, pp. 187–240.
- Kolobova K. M., Gluskina L. M. *Ocherki istorii Drevnej Grecii*. Leningrad, Gosuchpedizdat Publ., 1958, 347 p.
- Kolotukhin V. A. *Gornyi Krym v epokhu pozdnei bronzy – nachale zheleznogo veka*. Kiev, YUzhnogradskie vedomosti Publ., 1996, 160 p.
- Kolotuhin V. A. *Kimmerijcy i skify Stepnogo Kryma (podkurgannye pogrebenija Stepnogo Kryma nachala zheleznogo veka)*. Simferopol', Sonat Publ., 2000, 120 p.
- Kolotuhin V. A. Naselenie gornogo i predgornogo Kryma VII–V vv. do n. je. *Materialy k jetnicheskoi istorii Kryma VII v. do n. je. – VII v. n. je.* Kiev, Naukova dumka Publ., 1987, pp. 6–27.
- Kolotuhin V. A. *Pozdnij bronzovyj vek Kryma*. Kiev, Stilos Publ., 2003, 139 p.
- Koltukhov S. G., Senatorov S. N. Skifskie pogrebeniya v kurganah YUgo-Zapadnogo Kryma. *IAK*. Issue II. Ed. V. V. Majko. Simferopol', 2015, pp. 79–101.
- Kotenko V. V. Misce ta rol' poselennja Maslini v sistemi arheologichnih pam'jatok hersones'koï hori u Pivnichno-Zahidnij Tavrici. *Laurea I. Antichnyj mir i Srednie veka: Chtenija pamjati*

- professora Vladimira Ivanovicha Kadeeva. Materialy. Har'kov, NTMT Publ., 2015, pp. 36–38.
- Kravchenko E. A. *Kizil-kobins'ka kul'tura u Zahidnomu Krimu*. Kiïv, IA NANU Publ., 2010. 276 p.
- Krzewińska M., Kiliń G. M., Juras A., Koptekin D., Chyleński M. et al. Ancient genomes suggest the eastern Pontic-Caspian steppe as the source of western Iron Age nomads. *Science Advances*. 03 Oct 2018: Vol. 4, no. 10, eaat4457.
- Kutajsov V. A. *Antichnyj gorod Kerkinitida*. Kiev, Naukova dumka Publ., 1990, 176 p.
- Kutajsov V. A. Kerkinitida. Simferopol': Tavrija Publ., 1992, 192 p.
- Kutajsov V. A. Kerkinitida v antichnuju jepohu. Kiev, Korvin Press Publ., 2004, 324 p.
- Kutajsov V. A. Kizil-kobinskaja keramika iz raskopok Kerkinitidy. *Materialy k jetnicheskoj istorii Kryma VII v. do n. je. – VII v. n. je.* Kiev: Naukova dumka, 1987, pp. 27–40.
- Kutajsov V. A. Ol'vija i Severo-Zapadnyj Krym. *Ol'vija ta Antichnij svit: Materiali naukovih chitan', prisvjachenih 75-richchju utvorennja istoriko-arheologichnogo zapovidnika «Ol'vija» NAN Ukraini*, 19–22 listopada 2001 r. Kiïv, 2001, pp. 77–80.
- Kutajsov V. A. O tuzemnom komponente v sostave naselenija Kerkinitidy. *Skifo-sibirskaja kul'turno-istoricheskaja obshhnost'*. Mat. konf. Chast' 2. Ed. V. I. Matjushhenko. Omsk, 1987, pp. 144–146.
- Lazarenko V. G. *Akhil – bog Severnogo Prichernomor'ja*. Izhevsk, SHelest Publ., 2018, 416 p.
- Lazarenko V. G. Kul't Ahilla v Severnom Prichernomor'e i Frakijskij vsadnik. *NG. Vestnik antichnoj istorii, arheologii i klassicheskoy filologii*. Issue IX. Ed. I. Ju. Shaub. St. Petersburg, 2017, pp. 97–152.
- Lazarenko V. G. Kul't zmej v Severnom Prichernomor'e IV–I tysjacheletij do n. je. *Visnik Nacional'nogo istoriko-arheologichnogo zapovidnika «Kam'jana Mogila»*. Issue I. Ed. Ja. B. Mihajlov. Zaporizhzhja, Dike Pole Publ., 2016, pp. 37–48.
- Lazarenko V. G. Obraz Zmeja i arhaicheskij kul't Ahilla v Severnom Prichernomor'e. *NG. Vestnik antichnoj istorii, arheologii i klassicheskoy filologii*. Issue VII. Ed. A. B. Egorov. St. Petersburg, 2015, pp. 30–54.
- Lazarenko V. G. Osobennosti kul'ta Ahilla v Krymu i na Aziatskom Bospore. *BI*. Ed. V. N. Zin'ko. 2019. Issue XXXIX. Kerch'–Simferopol', Krymskij federal'nyj universitet im. V. I. Vernadskogo, pp. 20–57.
- Lazarenko V. G. Rannij period arhaicheskogo kul'ta Ahilla v Severnom Prichernomor'e. *NG. Vestnik antichnoj istorii, arheologii i klassicheskoy filologii*. Issue VIII. Ed. A. B. Egorov. St. Petersburg, 2016, pp. 13–60.
- Lazarenko V. G. Fenomen monet-strelok: problemy i poisk ih reshenij: Chast' 1. Proishozhdenie i vremja obrashhenija monet-strelok. *NG. Vestnik klassicheskoy arheologii, antikovedenija i medievistiki*. 2020. Issue XII, 2. Ed. I. Ju. Shaub. St. Petersburg, pp. 96–148.
- Lazarenko V. G. Fenomen monet-strelok: problemy i poisk ih reshenij Chast' 2. Sushhestvujut li jepigraficheskie dokazatel'stva obrashhenija monet-strelok v grecheskoj srede i dejstvitel'no li jeto «monety-strelki»? *NG. Vestnik klassicheskoy arheologii, antikovedenija i medievistiki*. 2021. Issue XIII, 1. Ed. I. Ju. Shaub. St. Petersburg, pp. 20–66.
- Lazarenko V. G. Fenomen monet-strelok: problemy i poisk ih reshenij Chast' 3. Kul'tovoe prednaznachenie monet-strelok. Razdel 1. O mnimom celitel'stve Apollona-luchnika i ego strel. *NG. Vestnik klassicheskoy arheologii, antikovedenija i medievistiki*. 2021a. Issue XIII, 4. Ed. I. Ju. Shaub. St. Petersburg, pp. 116–141.
- Latyshev B. *Inscriptiones antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae*. 2nd ed. (IOSPE I²). Vol. I. Petropoli, 1916, 598 p.

- Latyshev V. V. Epigraficheskie novosti iz yuzhnoj Rossii (nahodki 1901–1903 godov). *IIAK*. 1904, issue 10, St. Petersburg, pp. 1–91.
- Leskov A. M. *Gornyĭ Krym v I tysyacheletii do nasheĭ èry*. Kiev, Naukova dumka Publ., 1965. –198p.
- Leskov O. M., Kravchenko E. A. Grjada A mogil'nika kizil-kobins'koĭ kul'turi Urkusta I u Pivdenno-Zahidnomu Krimu. *Arheologija*. 2007, no. 4, pp. 11–22.
- Liddel H.G., Scott R. *Greek-English Lexicon*. Eighth edition, revised throughout. New York, Chicago, Cincinnati: American book company, 1901, 1776 p.
- Lysenko A. V., Masyakin V. V., Mordvinceva V. I. Mogila № 1 nekropolya rimskogo vremeni Luchistoe-2 (YUzhnyj Krym). *IAK*. Issue II. Ed. V. V. Majko. Simferopol', 2015, pp. 295–333.
- Meljukova A. I. Skifskie kurgany Tiraspol'shhiny (po materialam I. Ja. i L. P. Stempkovskih. *Pamjatniki skifo-sarmatskoj kul'tury*. Moscow, AN SSSR Publ., 1962, pp. 114–166.
- Otreshko V.M. Graffiti, najdenne na poselenii Bol'shaya Chernomorka II v 1973 g. Bondar' N.N. (Ed.). *Nekotorye voprosy arkheologii Ukrainy*. Kiev, Vishcha shkola Publ., 1977, pp. 40–44.
- Papanova V. A. Simvolika oruzhija v antichnyh pogrebenijah. *BF: Pogrebal'nye pamjatniki i syvatilishha*. 2002. Chast' 2. St. Petersburg, pp. 279–285.
- Peljashenko K. Ju. Glinjanaja melkaja plastika Cirkunovskogo gorodishha // *Arheologija ta etnologija pivdnja Shidnoi Evrope*. Ed. Z.P. Marina. Dnipro, Lira Publ., 2016, pp. 270–278.
- Petrenko V. G. *Ukrasheniya Skifi VII–III vv. do n.è*. Moscow, Nauka Publ, 1978. 145 s., tabl.
- Petrovskij S. V. Apokrificheskie skazaniya ob apostol'skoj propovedi po chernomorskomu poberezh'yu. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostej*. 1898. Issue 21, Odessa, pp. 1–184.
- Podosinov A. V., Skrzhinskaja M. V. *Rimskie geograficheskie istochniki: Pomponij Mela i Plinij Starshij*. Moscow, Indrik Publ., 2011, 504 p.
- Popova E. A. Ornamentirovannye lepnye kuril'nicy s gorodishha «Chajka» v Severo-Zapadnom Krymu. *Scythia et Sarmatia*. Ed. A. A. Malyshev. M: MAKSS Press, 2019. S. 207–212.
- Popova E. A. Problemy arheologii i istorii Severo-Zapadnogo Kryma v IV v. do n. je. – I v. n. je. (po materialam gorodishha «Chajka» v Evpatorii i nekropolja u poselka Zaozernoe). *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Seriya 8. Istorija. 2009. № 3. S. 102–128.
- Popova E. A., Egorova T.V. Issledovaniya Krymskoj arheologicheskoy ekspedicii MGU na gorodishche «Chajka» bliz Evpatorii i na nekropole u pos. Zaozernoe v 2007 g. *ADU v Ukraïni 2008 r*. Kiiiv, Volins'ki starozhitnosti Publ., 2009, pp. 276–278.
- Porcig V. *Chlenenie indoevropejskoj yazykovoj oblasti*. Izd-e 2-e. Moscow, Editorial URSS, 2003, 332 p.
- Ptolemej Henn. *Novaja istorija dlja mnogoznajushhih*. Iz «Biblioteki» Fotija (Cod. 190). w.w.w. simposium.ru/ru/node/10516. Data obrashhenija 14.01.2022.
- Puzdrovskij A.E. *Krymskaja Skifija II v. do n. je. – III v. n. je. Pogrebal'nye pamjatniki*. Simferopol', Biznes-Inform Publ., 2007, 480 p., il.
- Puzdrovskij A.E., Trufanov A.A. Puzdrovskij A. E., Trufanov A. A. Dva sklepa v central'noj chasti Ust'-Al'minskogo nekropolya. Majko V.V. (Ed.). *IAK*. Issue II, Simferopol', 2015, pp. 200–269.
- Pjatyshcheva N. V. Kul't greko-tavro-skifskogo bozhestva v Hersones. *VDI*. 1947, no. 3, pp. 213–218.
- Pjatyshcheva N. V. Tavry i Hersones Tavricheskij. *Kratkie soobshhenija o dokladah i polevyh issledovanijah IIMK*. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1949. Issue XXIX, pp. 122–124.
- Repnikov N. I. Kamennye jashhiki Bajdarskoj doliny. *IIAK*. St. Petersburg, Tipografija Glavnogo upravljenja udelov, 1909, issue 30, pp. 127–155.

- Rogov E. Ja. Ol'viopolity v Severo-Zapadnom Krymu. *ΣΥΣΣΙΤΙΑ*. Pamjati Jurija Viktorovicha Andreeva. St. Petersburg, Gos. Jermitazh, Aletejja Publ., 2000, pp. 269–274.
- Romanchuk A. I. *Issledovanija Hersonesa–Hersona*. Raskopki. Gipotezy. Problemy: Monografija: V 2 t. T. 1: Antichnyj polis. Tjumen', 2008, 720 p., 88 il.
- Rusyaeva A. S. Kul'tovi predmeti iz poselennya Bejkush poblizu o-va Berezan'. *Arheologiya*. 1971, no. 2, pp. 22–29.
- Saprykin S. Ju. *Denezhnoe obrashhenie na hore Hersonesa Tavricheskogo v antichnuju jepohu*. Moscow, Institut vseobshhej istorii RAN, 2005, 204 p.
- Saprykin S. Ju. Pamyatniki maloj epigrafiki Severo-Zapadnogo Kryma antichnoj epohi. *Istoriya i arheologiya Severo-Zapadnogo Kryma*. Materialy k arheologicheskoj karte Kryma. Issue XIV. Ed. V. A. Kutajsov i T. N. Smekalova. Simferopol', Feniks Publ., 2014, pp. 7–32.
- Saprykin S. Ju., Vnukov S. Ju. Grecheskie nadpisi iz Kara-Tobe (Severo-Zapadnyj Krym). *VDI*, 2015, nr. 2, pp. 98–119.
- Senatorov S. N. Keramika kizil-kobinskoj kul'tury vtoroj poloviny VI – pervoj poloviny IV v. do n. e. *BF: Naselenie, yazyki, kontakty*. St. Petersburg, 2011, pp. 354–362.
- Shaposhnikov A. K. Jazykovye relikty frakijskogo oblika v Severnom Prichernomor'e. *Jetimologija 2009–2011*. Ed. Zh. Zh. Varbot. Moscow, Nauka Publ., 2012, pp. 252–308.
- Shaposhnikov A. K. Indoarica v Severnom Prichernomor'e. *Voprosy jazykoznanija*. 2005. № 5, pp. 30–67.
- Shaub I. Ju. Mif, kul't, ritual v Severnom Prichernomor'e (VII–IV vv. do n. je.). St. Petersburg, 2007, 484 p.
- Shaub I. Ju. O semantike izobrazhenij na zolotom braslete iz Kul'-Oby. *NG. Vestnik antichnoj istorii, arheologii i klassicheskoj filologii*. Issue V. Ed. A. B. Egorov. St. Petersburg, 2012, pp. 5–9.
- Shubin V. I. Kop'e kak simvol v pojemah Gomera. *Antichnoe obshhestvo – IV: Vlast' i obshhestvo v antichnosti*. Materialy mezhdunarodnoj konferencii antikovedov, provodivshejsja 5–7 marta 2001 g. na istoricheskom fakul'tete SPbGU. St. Petersburg, 2001. <http://www.ctntant.pu.ru/centrum/publik/confcent/2001-03/shubin.htm> (data obrashhenija 10.01.2022).
- Shheglov A. N. Bol'shoj Kastel' i svjatilishhe II v. do n. je. v urochishhe Dzhangul'. *Problemy antichnoj kul'tury: Tezisy dokladov Krymskoj nauchnoj konferencii 19–24 sentjabrja 1988 g.* Ch. III / otv. red. L. V. Pavlenko. Simferopol', 1988, pp. 273–275.
- Shheglov A. N. Raboty v Chernomorskom rajone Kryma. *Arheologicheskie otkrytija 1984 goda /* Ed. V. P. Shilov. Moscow, 1986, pp. 333–334.
- Shheglov A. N., Rogov E. Ja. Pogrebenija v podbojnyh mogilah v Nizhnem Pobuzh'e, v Nizhnem Podnestrov'e i v Severo-Zapadnom Krymu. *Problemy issledovanija Ol'vii*. Parutino, 1985, pp. 86–88.
- Snitko I. A. Arhitektura greko-skifs'kogo gorodishha Beljaus: problemi doslidzhennja ta interpretacii. *Problemi istorii ta arheologii Ukraïni: Tezi dopovidej HII Mizhnarodnoi naukovoï konferencii, prisvjachenoï 215-richchju Harkivs'kogo nacional'nogo universitetu imeni V. N. Karazina* (Harkiv, listopad 2020). Harkiv, 2020, pp. 30–31.
- Snitko I. O. Shhe raz pro mezhi ol'vijs'kogo polisa. *Arheologija*. 2012, № 4. S. 31–42.
- Solomonik È. I. *Graffiti s khory Xersonesa*. Kiev, Naukova dumka Publ., 1984, 144 p.
- Solomonik È. I. (Ed.). *Graffiti antichnogo Xersonesa (na chernolakovykh sosudakh)*. Kiev, Naukova dumka Publ., 1978, 139 p., tabl.
- Solomonik Je. I. Nekotorye gruppy graffiti iz antichnogo Hersonesa. *VDI*. 1976, no. 3, pp. 121–142.

- Solomonik Je. I. Jepigraficheskie pamjatniki Neapolja Skifskogo. *Numizmatika i jepigrafika*. 1962. T. III. Moscow, AN SSSR, pp. 32–44.
- Solovyov S. L. Monetary Circulation and Political History of Archaic Borysthenes. *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*. 2006. Vol. 12.1–2, pp. 63–75.
- Strzheleckij S. F. Raskopki tavrskogo nekropolja Hersonesa v 1945 g. *Hersonesskij sbornik*. Issue IV. Ed. A. P. Smirnov. Simferopol', Krymizdat Publ., 1948, pp. 69–95.
- Sulimirskij T. *Sarmaty. Drevnij narod juga Rossii*. Moscow, Centrpoligraf Publ., 2008, 191 p.
- Tel'nov N., Sinika V. Tel'nov N., Sinika V. Frakijskie vliyaniya na material'nyu kul'turu i pogrebal'nyj obryad skifov III–II vv. do n. e. na levoberezh'e Nizhnego Dnestra. *Revista Arheologică*. Serie nouă. 2012, vol. VIII, nr. 1–2. Pp. 69–83.
- Tehov B. V. Srednjaja Evropa i Central'nyj Kavkaz v jepohu pozdnej bronzy i rannego zheleza. *Mezhdru Evropoj i Aziej. Kavkaz v IV–I tys. do n. je*. St. Petersburg, 1996, pp. 101–104.
- Tokhtas'ev S. R. Tohtas'ev S. R. Iz onomastiki Severnogo Prichernomor'ya. XXI. TRAKANA. *VDI*, 2013, no. 1, pp. 193–196.
- Toporov V. N. K drevnim balkano-baltijskim svjazjam v oblasti jazyka i kul'tury. *Antichnaja balkanistika: Pervyj simpozium po balkanskomu jazykoznaniju (23–24 maja 1972 g.): Predvaritel'nye materialy*. Moscow, 1972, pp. 24–38.
- Toporov V. N. K proishozhdeniju nekotoryh pojeticheskikh simvolov. V kn. Toporov V.N. Mirovoe derevo: Universal'nye znakovye komplekсы. V 2 tt. T. 1. Moscow, Rukopisnye pamjatniki Drevnej Rusi, 2010, pp. 52–82.
- Toporov V. N. Ob arhaicheskom sloe v obraze Ahilla. *Obraz–smysl v antichnoj kul'ture*. Moscow, GMII, 1990, pp. 64–95.
- Toshhev G. N. *Krym v jepohu bronzy*. Zaporozh'e: Zaporozhskij nacional'nyj universitet, 2007, 304 p., il.
- Troickaya T. N. Skifskie kollektivnye pogrebeniya v kurganah Kryma. IAK. Issue II. V.V. Maiko (Ed.). Simferopol', 2015, pp. 54–65.
- Trubachev O. N. *Indoarica v Severnom Prichernomor'e*. Moscow, Nauka Publ., 1999, 320 p.
- Trubachev O. N., Shaposhnikov A. K. *Jetimologicheskij slovar' jazykovyh reliktoev Indoarica*. In: Trubachev O. N. *Indoarica v Severnom Prichernomor'e*. Moscow, Nauka Publ., 1999, pp. 220–288.
- Trufanov A. A., Zajcev Ju. P., Medvedev G. V., Solomonenko A. E., Shkribljak I. I. Issledovaniya Ust'-Al'minskogo nekropolja v 2019 godu. IAK. 2020. Issue XIII, pp. 393–400.
- Uvarov A. S. Neskol'ko slov ob arheologicheskikh izyskanijah bliz Simferopolja i Sevastopolja. *Propilei*. IV. Moscow, 1854, pp. 525–537.
- Val'chak S. B. Kimmerijskij period. *Bol'shaya Rossijskaya enciklopediya*. T. 13, Moscow, 2009, p. 684.
- Vasil'evskij V. G. Russko-vizantijskie otryvki: Hozhdenie apostola Andrey a v strane mirmidonyan *ZHurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1877. Issue 189, part 2, St. Petersburg, pp. 41–82.
- Vejsman A. D. *Grechesko-russkij slovar'*. Izd-e 5-e. St. Petersburg, 1899. 1370 p.
- Vinogradov YU. G. Ol'viopolity v Severo-Zapadnoj Tavrike. *Drevnee Prichernomor'e (chtenija pamjati professora Petra Osipovicha Karyshkovskogo)*. Tezisy dokladov konferencii (9–11 marta 1989 g., Odessa, 1989). Odessa, 1990, pp. 17–19.
- Vnukov S. YU. Novye otkrytiya na gorodishche Kara-Tobe v Severo-Zapadnom Krymu v 2007 g. *ADU 2005–2007 r*. Ed. N. O. Gavriljuk. Kiiv; Zaporizhzhya: IA NAN Ukraïni, Dike Pole Publ., 2007, pp. 54–58.

- Vysotskaja T. N. Jetnicheskij sostav naselenija Krymskoj Skifii (po materialam mogil'nikov). *Materialy k jetnicheskoi istorii Kryma VII v. do n. je. – VII v. n. je.* Kiev: Naukova dumka Publ., 1987, pp. 40–67.
- Zajcev YU. P. Hronologiya Neapolya Skifskogo. *Drevnosti Stepnogo Prichernomor'ya i Kryma.* Ed. G. N. Toshchev. Zaporozh'e, Zaporozhskij gosudarstvennyj universitet, Zaporozhskij oblastnoj kraevedcheskij muzej, 1995. Issue V, pp. 67–90.
- Zajcev YU. P. *Neapol' Skifskii (II v. do n. é. – III v. n. é.).* Simferopol', Universum Publ., 2003, 212 p., il.

Резюме

Местное население Западного Крыма ко времени появления греческих колонистов и далее, до начала нашей эры, представляло собой так или иначе потомков ранних индоевропейцев (ариев), среди которых был развит культ Áhi-Змея (Верховного божества и Первопредка) – возможного прообраза Ахилла. Решающим фактором формирования культа Ахилла в Западном Крыму, как и в Нижнем Побужье, на начальном этапе явилась встреча колонистов с мощным идеологическим феноменом – почитанием местными племенами (реликтовыми ариями-таврами и, вероятно, фракийцами) Áhi-Змея – Первопредка и олицетворения родившегося в Северном Причерноморье индоевропейского мировоззрения. Фракийское влияние, многочисленные свидетельства которого имеются в Западном Крыму, также могло сыграть определенную роль, поскольку образ Верховного бога фракийцев, Фракийского всадника, имел в истоках ранние индоевропейские корни и во многих аспектах был схож с образом Ахилла, включая тесную связь со змеями. Почитание Ахилла в Западном Крыму отразилось в ряде граффити, обнаруженных в Херсонесе и на его хоре. Их действительное число значительно больше, чем считалось ранее. Общее количество граффити античного Херсонеса с возможным посвящением Ахиллу оказывается почти в полтора раза больше, чем найденных при раскопках святилища Ахилла на Бейкуше. Большинство из них обнаруживает сходство с посвящениями Ахиллу из Нижнего Побужья, будучи представлены очень кратко – А, АХ, АХI и датированы IV–III вв. до н. э., лишь три – серединой-концом V в. до н. э. и четыре – II в. до н. э. На ближней и дальней хоре Херсонеса обнаружено около пятнадцати граффити, большинство из которых обозначают АХ или АХI, все краткие граффити с ближней и дальней хоры относятся к IV–III вв. до н. э., а Сравнивать Ахилла данных посвящений с Ахиллом Понтархом некорректно, поскольку культ последнего появился в Ольвии заметно позже – уже в римское время, не ранее конца I в. до н. э. Находки на хоре Херсонеса двух граффити более позднего времени имеют важнейшее значение. И если одно из них (из Кара-Тобе, конца II – начала I в. до н. э.) только показывает возможную связь Ахилла с Великой богиней, то другое (из урочища Джангуль, II в. до н. э.), бесспорно, подтверждает это. Такие посвящения свидетельствуют о почитании Ахилла не просто в качестве героя-бога, но свидетельствуют о том, что Ахилл мыслился в Западном Крыму как Верховное божество. В Западном Крыму имеются многочисленные свидетельства того, что культ змей продолжал существовать здесь, как минимум, до III в. н. э. Имеются здесь и свидетельства культа Ахилла в римское время, но уже значительно меньше, чем ранее. Однако надпись II в. н. э. из Неаполя Скифского: «...Ахиллу и всем богам», где Ахилл упоминается перед «всеми богами», свидетельствует о сохранении значимости его образа.

Такое положение может быть только у Верховного божества, которое почитали с доисторических времен. Это подкрепляется одним из культовых эпитетов Ахилла в Ольвийском полисе – «Вечный отец».

Ключевые слова: Западный Крым, тавры, керамика, браслеты, культ змей, культ Ахилла, граффити, Херсонес.

Summary

The local population of the Western Crimea at the time of the appearance of the Greek colonists and further, until the beginning of our era, was, one way or another, the descendants of the early Indo-Europeans (Aryans), among whom the cult of the Áhi-Snake (the Supreme Deity and First Ancestor) was developed – a possible prototype of Achilles. The decisive factor in the formation of the cult of Achilles in the Western Crimea, as well as in the Lower Bug region at the initial stage, was the meeting of the colonists with a powerful ideological phenomenon – the veneration of the local tribes (relic Aryans-Tauris and, probably, the Thracians) Áhi-Snake – the First Ancestor and the personification of the one born in the Northern Black Sea region Indo-European worldview. The Thracian influence, of which there are numerous testimonies in the Western Crimea, could also play a certain role, since the image of the Supreme God of the Thracians, the Thracian horseman, had early Indo-European roots in its origins and was similar in many respects to the image of Achilles, including a close connection with snakes. The veneration of Achilles in the Western Crimea was reflected in a number of graffiti found in Chersonese and on its choir. Their actual number is much larger than previously thought. The total number of graffiti of ancient Chersonesus with a possible dedication to Achilles turns out to be almost one and a half times more than those found during excavations of the sanctuary of Achilles in Beykush. Most of them reveal similarities with the dedications to Achilles from the Lower Bug region, being presented very briefly – A, AX, AXI and dated to the 4th-3rd centuries BC, only three - to the middle-end of the 5th century BC and four – II century BC. About fifteen graffiti were found on the near and far choir of Chersonesus, most of which designate AH or AHI, all short graffiti from the near and far choir belong to the 4th-3rd centuries BC, and it is incorrect to compare Achilles of these dedications with Achilles Pontarchus, since the cult of the latter appeared in Olbia much later - already in Roman times, not earlier than the end of the 1st century BC. Findings of two later graffiti on the choir of Chersonesos are of great importance. And if one of them (from Kara-Tobe, late II - early I century BC) only shows the possible connection of Achilles with the Great Goddess, then the other (from the tract Dzhangul, II century BC) is indisputable confirms this. Such dedications testify to the veneration of Achilles not just as a hero-god, but testify to the fact that Achilles was conceived in the Western Crimea as the Supreme deity. In the Western Crimea, there is abundant evidence that the cult of snakes continued to exist here, at least until the 3rd century AD. There is also evidence of the cult of Achilles in Roman times, but to a much lesser extent than before. However, the inscription of the II century AD from Scythian Naples: «... Achilles and all the gods», where Achilles is mentioned before «all the gods» testifies to the preservation of the significance of his image. Only the Supreme Deity, who has been revered since prehistoric times, can have such a position. This is reinforced by one of the cult epithets of Achilles in the Olbian policy - «Eternal Father».

Key words: Western Crimea, Taurus, ceramics, bracelets, snake cult, cult of Achilles, graffiti, Chersonese.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Лазаренко Владимир Григорьевич, профессор.
Федеральное бюджетное государственное
образовательное учреждение высшего образования
(ФБГОУ ВО) «Ижевский государственный технический
университет имени М. Т. Калашникова».
426066, г. Ижевск, ул. Студенческая, 7.
+7 (912)-853-0667.
E-mail: lazvgr@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lazarenko Vladimir G., Professor.
Federal state-financed educational institution
of higher education "Izhevsk' state technical
University named after M. T. Kalashnikov".
426066, Izhevsk, Studencheskaya str., 7.
+ 7 (912)-853-0667.
E-mail: lazvgr@yandex.ru